

Осипов В.П.

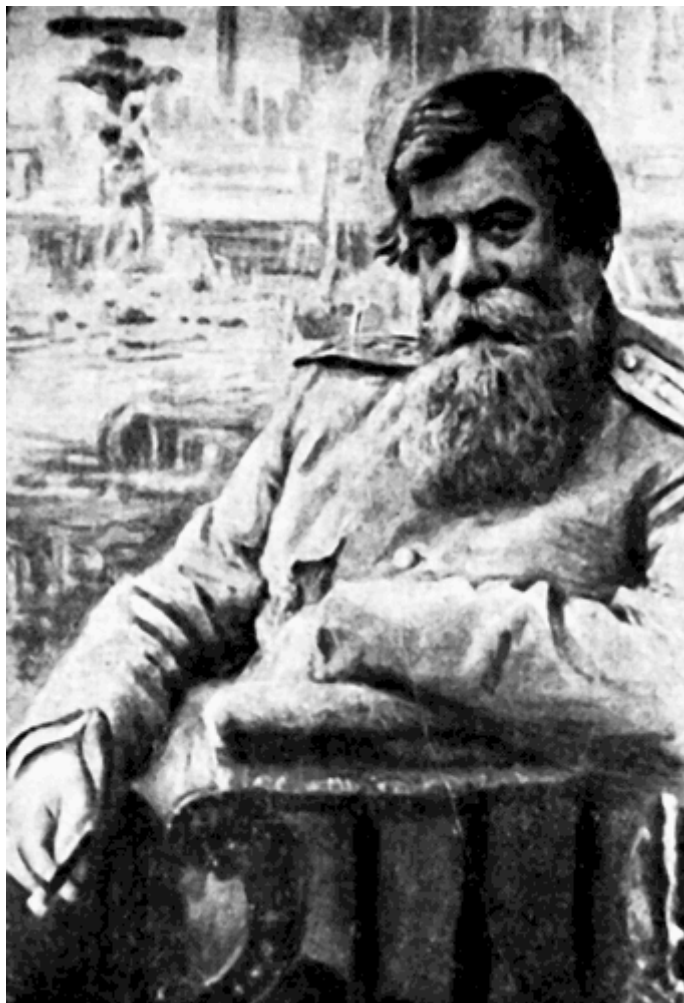
Бехтерев

1947

СОДЕРЖАНИЕ

- ❖ О КНИГЕ
- ❖ ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ — АВТОР
- ❖ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ
- ❖ ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. М. БЕХТЕРЕВА
- ❖ ОСНОВАНИЕ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И
ИНСТИТУТА МОЗГА
- ❖ НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. М. БЕХТЕРЕВА

25 декабря 1927 г. столичные газеты принесли неожиданное и печальное известие о кончине академика Владимира Михайловича Бехтерева. Он приехал в Москву на научные съезды, но смог принять участие только в совещаниях невропатологов и психиатров. Неожиданная кончина В. М. Бехтерева тяжело поразила его друзей, учеников, сотрудников и советскую общественность.

В. М. Бехтерев

В.М. Бехтерев, ученый с мировым именем, пользовался заслуженным уважением и любовью не только как ученый, но и как выдающийся общественный деятель, начавший трудиться на пользу советской науки с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции.

Проследим жизненный путь этого замечательного человека.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Сам Владимир Михайлович в своей автобиографии сообщает, что он родился 20 января 1857 г. (По записям в метрических книгах эта дата относится к 22 января, а в послужном списке его отца, коллежского секретаря М. Бехтерева, - к 19 января 1857 г.) в семье служащего, в одном из наиболее глухих мест Вятской губернии, в селе Сорали. Вот что пишет о родине Владимира Михайловича проф. Л. Л. Васильев: «В августе 1943 г. мне удалось побывать в с. Сорали, ныне колхоз им. Бехтерева. Название «Сорали» происходит от татарского слова «сераль» — дворец. В седую старину здесь была резиденция какого-то татарского князя. Село расположено в 8 км от г. Елабуги, в котловине, пересеченной оврагами. Окрестности села лишены лесной растительности, вдали дымят трубы Вондюжского завода, где начинал свою деятельность другой корифей русской науки — Д. И. Менделеев. В селе насчитывается 10 улиц, домики старые. Посреди села сохранилась белая каменная церковь, построенная в 1804 г. у ее стен, за оградой, похоронены некоторые члены семьи Бехтеревых.

Пятнадцать лет назад члены Елабужского бюро краеведения застали здесь доживавших свой век старожилов, смутно помнивших семью и дом Бехтеревых по Средней улице, в котором родился Владимир Михайлович, недалеко от того места, где находится школа его имени. Через год после рождения Владимира Михайловича дом сгорел, и семья переселилась в кирпичное двухэтажное здание на территории заброшенного в то время завода. По словам старожилов, семья жила в относительном достатке: имела лошадь, двух коров и домашнюю птицу; около дома был сад, в котором росли сибирские кедры».

Старший брат Владимира Михайловича — Николай Михайлович — припоминает в своих записках, как он с двумя младшими братьями, Владимиром и Александром, забавлялся проделками ручного медведя, приведенного вожаком. Кажется, это единственное «событие» из детских лет Владимира Михайловича, о котором нам известно. Сам Владимир Михайлович в своей автобиографии говорит, что его раннее детство протекло в наиболее глухих местах Вятской губернии — полурусское, полувотякское село Унинское Глазовского уезда, небольшой, захолустный Глазов и затем Вятка.

Относительное материальное благополучие семьи Бехтеревых продолжалось недолго. Когда Владимиру Михайловичу шел девятый год, умер его отец. В это время Бехтеревы жили в Вятке в небольшом, принадлежавшем им двухэтажном доме с флигелем. Источником их существования в то время был небольшой доход, получаемый от жильцов. Вспоминая свое детство, Владимир Михайлович говорил, что об этой поре жизни у него сохранились самые отрадные воспоминания. Несмотря на тяжелое материальное положение, в семье царил мир и взаимоотношения с матерью и братьями были самые теплые и дружеские. Мать, женщина образованная, поставила себе целью дать и детям соответствующее образование. Своего отца Бехтерев помнил мало. Это был, по его словам, живой и добрый человек, большой любитель певчих птиц, для которых в доме была отведена целая комната с решеткой и деревом посредине.

Склонность и любовь к естествознанию проявились у Бехтерева еще в детстве. У него развилась страсть составлять гербарии и собирать коллекции насекомых, а позднее — страсть к охоте, в которой его привлекала не столько добыча, сколько возможность быть среди природы и наблюдать ее жизнь.

Детство Владимира Михайловича совпало с шестидесятью годами, периодом революционного подъема не только в России, но и на Западе. Правда, эти события не могли непосредственно захватить маленького Бехтерева, но они влияли на взгляды той среды, в которой он рос, а таким образом и на формирование его ума и характера. Об эпохе шестидесятих годов Ленин пишет: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всею печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих революционеров, появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови заставлять принять «Положение», обдирающее их, как липку, коллективные отказы дворян — мировых посредников — применять такое «Положение», студенческие беспорядки — при таких условиях самый осторожный и тяжелый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной».

Сам Владимир Михайлович говорит, что, занимаясь естествознанием, изучая Дарвина, он наряду с этим по многу раз перечитывал сочинения Писарева, Добролюбова, Шелгунова, Дрепера, под влиянием которых складывалось его мирозерцание и политические убеждения.

Окончив семь классов классической гимназии (восьмой класс со сдачей экзаменов на аттестат зрелости был введен годом позднее), Владимир Михайлович поступил в Медико-хирургическую академию, позднее переименованную в Военно-медицинскую. Время было бурное: нарастало и развивалось революционное движение, в котором принимало участие и студенчество. Так называемые «студенческие беспорядки» возникли и в стенах Медико-хирургической академии. Причиной их было чаще всего недовольство реакционно настроенными профессорами, как было, например, с профессором физиологии Цином, человеком честолюбивым и весьма реакционных взглядов. В своих лекциях Цин поносил знаменитого физиолога Сеченова, что крайне раздражало не только студентов, но и часть профессуры. Недовольство, высказанное студентами и передовой частью профессуры, вынудило Циона уйти из академии.

Вне академии слушатели ее принимали участие, например, в Казанской демонстрации, первой в России революционной рабочей демонстрации, состоявшейся на площади Казанского собора 6 декабря 1876 г. По

окончании речи выступавшего на этой демонстрации Г. В. Плеханова над толпой взвилось красное знамя с лозунгом «Земля и воля». Многочисленные аресты, которые производились царским правительством в ответ на волнения, коснулись и студентов академии.

Все эти события волновали молодежь, в том числе и молодого Бехтерева. Он усиленно работал, изучал предметы, преподававшиеся в академии, причем еще студентом IV курса особенно заинтересовался нервными и душевными болезнями, которые читались преемником проф. И. М. Балинского проф. И. П. Мержеевским, живо и талантливо излагавшим свой предмет. Сам Владимир Михайлович объясняет свой выбор тем, что «эта специальность из всех медицинских наук того времени наиболее связана с общественностью и с вопросами познания личности, с глубокими философскими и общественными проблемами».

Весной и летом 1877 г., во время русско-турецкой войны, Владимир Михайлович побывал на Балканах, откуда посылал корреспонденции в «Северный вестник» за подписью «Санитар».

В 1878 г. Владимир Михайлович окончил курс академии «с отличием», был награжден премией и по конкурсу оставлен в так называемом профессорском институте для усовершенствования. Согласно намеченному ранее плану, он остался при кафедре проф. И. П. Мержеевского. блестяще сдав выпускные экзамены, Бехтерев получил звание докторанта, т. е. право защиты диссертации на ученую степень доктора медицины без сдачи специальных докторантских экзаменов. Владимир Михайлович со свойственной ему энергией сразу углубился в изучение избранной им специальности и уже в 1881 г. блестяще защитил докторскую диссертацию. После прочтения двух пробных лекций на конференции академии он был избран приват-доцентом по психиатрии и нервным болезням. Приблизительно в это же время Владимир Михайлович женился, и так как получаемого им жалования военного врача в размере 333 руб. 33 коп. в год не хватало на жизнь, он был вынужден, не оставляя своих научных занятий, заниматься частной практикой.

У Владимира Михайловича были некоторые связи с революционной общественностью, которые он по возможности поддерживал. Сам Владимир Михайлович рассказывает, как во время его поездки в Москву на демократическое совещание он познакомился со знаменитым анархистом Кропоткиным. Кропоткин сказал ему, что имя Бехтерева ему известно, так как он спас ему жизнь. Выяснилось, что однажды в Париже к Кропоткину пришел неизвестный ему молодой человек и предупредил его о необходимости принять меры предосторожности, так как в Петербурге в «священной дружине», возглавлявшейся великим князем Владимиром Александровичем, был составлен план убийства Кропоткина. Узнав об этом, Кропоткин уехал из Парижа, поместив в печати письмо о том, что если покушение на него совершится, то имена заговорщиков, которые ему известны, немедленно будут опубликованы. Незадолго до этого Кропоткин бежал из-под стражи из Николаевского военного госпиталя, в котором находился. Владимир Михайлович случайно узнал о готовившемся покушении и поручил своему знакомому, ехавшему в Париж, разыскать Кропоткина и предупредить его, что тот и выполнил. Об этом случае и вспомнил Кропоткин при личном знакомстве с Владимиром Михайловичем.

В 1884 г. Бехтерев получил от Военно-медицинской академии длительную заграничную командировку. Семидесятые и восьмидесятые годы были периодом больших научных сдвигов в физиологии, в медицине вообще и в частности в области невропатологии и психиатрии. В области физиологии центральной нервной системы началась разработка учения о психомоторных центрах. С этим новым учением связаны имена Гольца, которому впервые удалось длительно наблюдать и изучать собаку, лишенную им оперативным путем больших полушарий головного мозга, Фритча и Гитцига, Г. Мунка. В Австрии, в Вене, знаменитый Мейнерт делал попытки подвести под психиатрию материалистическую, патофизиологическую основу. Во Франции блестящий невропатолог Шарко работал в это время над учением об истерии и гипнозе, привлекавшем всеобщее внимание. Новые идеи в психиатрии проводил Маньян. Вирхов разрабатывал целлюлярную патологию. В России работали знаменитый врач-терапевт С. П. Боткин и физиолог И. М. Сеченов. Владимир Михайлович начал работать у известного психиатра и невропатолога Вестфаля, прославившегося разработкой учения о первичном сумасшествии и навязчивых состояниях, и у физиолога Кронекера в институте Дюбуа-Реймона, но его пылкий ум заставил его искать новых путей в науке. Это привело его в Лейпциг к проф. Флексигу, впервые применившему эмбриологический метод исследования для изучения проводников движения и различного рода чувствительности. Метод заключается в изучении проводниковых систем, которые покрываются миэлином (мякотной оболочкой) в различных стадиях развития зародыша и в младенческом возрасте. Такое обособление мякотных пучков стало возможным благодаря примененной Вейгертом, а позднее Палем окраске покрытых мякотью нервных пучков, выделявшихся на фоне безмякотных, не воспринимавших окраски.

С целью овладения новым методом исследования Бехтерев переселился из Берлина в Лейпциг, где одновременно работал в Физиологическом институте Людвигга, в лаборатории проф. Гаука. В Лейпциге в это время развивал свою научную деятельность психолог Вундт, позднее приобретший мировую известность как основоположник так называемой физиологической психологии. Владимир Михайлович прослушал у него курс по экспериментальной психологии и работал в его лаборатории в течение зимы 1884/85 г. Из Лейпцига В. М. Бехтерев переехал в Париж, где познакомился с исследованиями Шарко, которому показал свои препараты, изготовленные у Флексига. Знаменитый клиницист очень заинтересовался ими. На обратном пути в Россию Владимир Михайлович в течение некоторого времени оставался в Мюнхене, знакомясь с работами лаборатории психиатра Гуддена. В Вене Владимир Михайлович познакомился также с работами Мейнерта.

В Россию Владимир Михайлович вернулся уже профессором Казанского университета по кафедре психиатрии, куда был назначен летом 1885 г. Он получил это приглашение от университета и предложение от

министерства до возвращения в Россию, но, не желая прерывать своего образования за границей, поставил условием предоставить ему возможность продолжить заграничную командировку и присвоить звание ординарного профессора. Министр Делянов принял эти условия, и Владимир Михайлович по окончании командировки переехал в Казань, где занимал кафедру университета в течение девяти лет.

Конференция Военно-медицинской академии, командирова своих молодых ученых, будущих профессоров, за границу, предоставляла им полную свободу выбора места занятий и руководителей. Как и большинство молодых научных работников, Владимир Михайлович знакомился с работами наиболее выдающихся ученых того времени, посещал их лаборатории и клиники, но он стремился не только приобрести возможно больше знаний, он искал новых путей в науке, новых методов, которые можно было бы перенести в свою родную страну. Вот почему, познакомившись в Лейпциге с Флексигом и Вундтом, которые оба были новаторами в своих областях, В. М. Бехтерев оставил клинику Вестфалия и институт Дюбуа-Реймона, которые не дали бы ему этих знаний. По этим же соображениям Владимир Михайлович работал и у Шарко.

Таким образом, Владимир Михайлович, несмотря на свой молодой возраст (28 лет), вступил на кафедру Казанского университета вполне подготовленным ученым, широко образованным, с установившимися взглядами и планами научно-исследовательской работы. В Казани он со свойственной ему энергией прежде всего занялся организационными делами кафедры: он основал психиатрическую клинику в Казанской окружной больнице для душевнобольных, а в здании университета — первую в России психофизиологическую лабораторию и лабораторию для изучения тонкого строения мозга, главным образом его проводниковых систем. Экспериментальное изучение функций центральной нервной системы и ее внутренних связей Бехтерев производил на животных, преимущественно при кафедре физиологии, частью совместно с проф. Н. А. Миславским. Кроме того, он заведывал нервным отделением губернской земской больницы. В Казани он основал при университете Общество невропатологов и психиатров и журнал «Неврологический вестник», оказавший значительное влияние на развитие в России невропатологии и психиатрии.

Владимир Михайлович в течение всей своей жизни отличался исключительной доступностью в отношении с людьми, а особенно с молодежью и своими учениками. Всецело поглощенный интересами науки, он во всякое время был готов обсуждать со своими учениками научные вопросы, никогда не отказывая им в советах и указаниях, в рекомендации научной тематики и в руководстве. Это создавало вокруг него обширный круг учеников и сотрудников, работавших под его руководством и помогавших ему в его творческой работе.

Клинические лекции по психиатрии в Казани приходилось читать в Окружной больнице, находящейся в четырех километрах от города. Студенты проводили в лечебнице часа три.

Казанский университет всегда отличался высокими научными традициями, которые поддерживались прекрасным профессорским составом. В этом университете когда-то работал знаменитый математик Лобачевский, один из творцов русской химической науки Бутлеров, зоолог Вагнер и др. При Владимире Михайловиче в составе медицинского факультета находились: физиолог Н. О. Ковалевский, К. А. Арнштейн, впервые применивший окраску животных тканей в живом организме, выдающийся терапевт Н. А. Виноградов, офтальмолог Е. В. Адамюк, знаменитый химик-органик А. М. Зайцев.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В. М. БЕХТЕРЕВА

В период своего пребывания в Казанском университете Владимир Михайлович уже вполне сложился как крупнейший русский невропатолог и психиатр с широкими научными взглядами и своеобразным направлением творческой мысли. Основные научные его произведения, планы будущих трудов, широко разработанных впоследствии, были задуманы и выполнены в Казани. В 1893 г. Владимир Михайлович получил из Петербурга предложение от начальника Военно-медицинской академии В. В. Пашутина занять кафедру нервных и душевных болезней, освобождающуюся за выходом в отставку по выслуге лет акад. И. П. Мержеевского. В. М. Бехтерев колебался. Однако перспективы более широких возможностей и более плодотворной работы в столичном городе получили перевес, и Владимир Михайлович принял это предложение.

В Петербурге Бехтерев получил в свое распоряжение только что построенную и открытую его предшественником акад. Мержеевским прекрасную психиатрическую клинику с обширными помещениями для лабораторий. Он сразу же занялся организацией преподавания и научно-исследовательской работы. Кафедра объединяла нервные и душевные болезни. В то время отдельные кафедры были только в Казанском и в Московском университетах. Это разделение кафедр в Казани и в Москве объясняется не принципиальными соображениями, а скорее случайными обстоятельствами: в Казани читал психиатрию проф. Фрезе, не знавший невропатологии, поэтому курс нервных болезней был поручен проф. Скалозубову; Фрезе сменил Бехтерев, а Скалозубова — Даркшевич. В Москве проф. Кожсв пиков читал курс невропатологии, психиатрию вел Корсаков, которая и была выделена в самостоятельную кафедру. Сознательное разделение психиатрии и невропатологии на отдельные кафедры произошло позднее. Новая петербургская клиника не была надлежащим образом оборудована для преподавания в ней курса нервных болезней, и Владимир Михайлович должен был отделить часть ее для помещения нервных больных, но этого было недостаточно для полноценного преподавания невропатологии и вместе с тем ограничивались возможности широкого развертывания психиатрии. Молодому, энергичному профессору удалось получить необходимые ассигнования на постройку специальной клиники для нервных больных, которая и была открыта в 1898 г.

При кафедре Владимира Михайловича были организованы: анатомическая лаборатория для изучения строения и связей центральной нервной системы, в которой производились эксперименты над животными и изучались патологические изменения в мозгу погибших больных; экспериментально-физиологическая лаборатория, изучавшая функции нервной системы, и лаборатория экспериментальной психологии, молодого, только что зарождавшегося направления психологической науки. Из сказанного видно, как Владимир Михайлович активно претворял в жизнь в своем отечестве знания, полученные им во время заграничной командировки.

Свое преподавание невропатологии и психиатрии В. М. Бехтерев всегда стремился сделать по возможности наглядным, демонстрируя больных, рисунки, диапозитивы, многочисленные таблицы и препараты. Такой метод преподавания был в то время новым, и лекции Владимира Михайловича усердно посещались не только студентами, но и врачами, высоко ценившими талантливого профессора.

Клиника Бехтерева располагала большими материальными средствами, так как, кроме обычного государственного бюджета, она имела платные места, всегда заполненные больными, съезжавшимися со всей страны; это давало клинике около 40 000 рублей дохода ежегодно, что по тем временам составляло очень крупную сумму. Поэтому клиника имела возможность расходовать на приобретение научной литературы около 4 000 рублей в год. Библиотека клиники пополнялась русскими и иностранными медицинскими книгами и журналами. Значительная часть сумм расходовалась на улучшение быта больных, на широкое развитие мастерских в целях трудотерапии (переплетной, столярной, рукодельной), на заграничные командировки врачей.

Клиника имела собственную ферму, оранжереи, дававшие возможность обставлять цветами помещения клиники и содержать зимний сад для прогулок больных и свиданий их с родными и знакомыми. В клинике устраивались концерты, спектакли. Уход за больными и их лечение были обставлены наилучшим образом, с применением всех новейших методов лечения: водолечения, электролечения, массажа и врачебной гимнастики.

Впервые в России Бехтерев начал применять в своей клинике хирургические способы лечения, нейрохирургию, для чего была оборудована специальная операционная, в которой оперировали такие опытные хирурги, как профессор Военно-медицинской академии М. С. Субботин и Н. А. Вельяминов. Таким образом, начало отечественной нейрохирургии было положено В. М. Бехтеревым в его клинике.

Вполне понятно, что клиника В. М. Бехтерева приобрела широкую и заслуженную популярность, и в самой клинике, и в ее лабораториях, кроме штатного персонала всегда работало множество врачей, съезжавшихся сюда учиться и работать над диссертациями и другими научными трудами. Жизнь научная и лечебная кипела в клинике давая обширный материал для докладов в Обществе психиатров, на научных собраниях клиники и на съездах устраиваемых в стенах клиники, доступ на которые был свободным. Правда, такой популярности способствовало то, что кафедра была двойная и что в царской России было всего десять медицинских факультетов, но главная причина того, что научная жизнь кафедры стояла на таком высоком уровне, заключалась, конечно, в авторитете и популярности личности Бехтерева. Необычайно трудоспособный, энергичный, инициативный, страстно любивший науку и посвятивший ей всю свою жизнь, Владимир Михайлович заражал этими качествами окружающих, являясь для них живым примером. Он для каждого кто к нему обращался, умел найти тему для научной работы и умел заставить работать. Появляясь в клинике или, в лаборатории, Владимир Михайлович каждого спрашивал о результатах работы, поощрял к дальнейшей разработке вопроса, очень охотно, не считаясь со временем, вел беседы на различные научные темы, нередко наталкивая своих слушателей на разработку того или иного вопроса поощрял проявление личной инициативы Владимир Михайлович отличался большой простотой. Эта простота привлекала к нему людей; чванливость и высокомерие свойственные иногда людям с крупным положением и именем избалованным общим вниманием, были совершенно чужды Владимиру Михайловичу.

Несмотря на то, что Владимир Михайлович был сильно загружен непосредственной работой в клинике различными делами по академии, ответственными судебными экспертами и организацией психиатрического дела в городе, он продолжал неуклонно работать над вопросами теоретической и клинической невропатологии и психиатрии, нередко жертвуя для этого своим сном и отдыхом.

Не одна сотня врачей прошла через клинику и лаборатории Бехтерева; многим из них он давал возможность вести научную работу, устраивая их на различные должности в больницах Петербурга, от ординаторов до главных врачей включительно. Многие из них оставались работать у него по нескольку лет, чтобы приобрести знания, ученую степень, научное имя и затем ехать работать на периферию.

Военное ведомство, имевшее в то время в ряде крупных центров России (в Петербурге, Москве, Киеве, Варшаве, Владикавказе, Харькове, Ташкенте) психиатрические отделения, ежегодно прикомандировывало в клинику Бехтерева врача сроком на два года для подготовки военных психиатров. Выполнение диссертационной работы для них было не обязательно, но некоторые из них это делали, побуждаемые к тому В. М. Бехтеревым. Например, Ф. С. Текутьев, уже имевший степень доктора медицины, написал весьма ценную и интересную работу под заглавием «Исторический очерк кафедры и клиники душевных и нервных болезней при Императорской военно-медицинской академии» (бывшей медико-хирургической). Работа вышла в свет двумя изданиями.

Таким образом, школа Бехтерева росла и приобретала известность не только в России, но и далеко за ее пределами, чему способствовал, конечно, главным образом научный авторитет В. М. Бехтерева.

Тематика научных исследований, которую Владимир Михайлович предлагал своим ученикам и сотрудникам, была весьма разнообразной; она относилась ко всем основным разделам его специальности. Много внимания уделялось микроскопической анатомии центральной нервной системы, связанной с изучением центров и связей черепных нервов, проводниковых и сочетательных систем. Работа в этом направлении должна была вестись путем изучения мозга человеческого зародыша на различных стадиях его развития и экспериментального изучения изменений мозга животных, у которых удалены различные участки мозга. Много внимания уделялось изучению поведения животных, подвергшихся таким экспериментам; изучались также последствия раздражения мозга электрическим током; путем экспериментов на животных всесторонне изучалась падучая болезнь. Большие и многочисленные работы производились по клинике нервных и душевных болезней, по экспериментальной психологии и патопсихологии. Изучались сочетательные рефлекссы не по методике акад. И. П. Павлова, а по двигательной методике, разработанной в клинике и лаборатории Бехтерева, которую можно было применять и к животным, и к человеку.

Трудно перечислить всю тематику работ, производившихся в клинике и в лабораториях Бехтерева. Материальные возможности клиники и инициатива ее директора способствовали тому, что научная работа протекала в условиях, отвечающих требованиям науки: широко применялось лечение гипнозом, изучалось влияние различного цвета на психологические процессы, для чего была оборудована специальная комната, которая могла быть освещена светом любого цвета.

В 1897 г. был открыт Женский медицинский институт, и Владимир Михайлович получил приглашение занять там кафедру нервных и душевных болезней, на что он и согласился. Это, конечно, еще больше увеличило популярность его клиники, так как лекции читались в аудитории Военно-медицинской академии, а практические занятия проводились в клинике; только курирование нервных больных производилось в нервном отделении Петропавловской больницы, ныне Больницы им. Эрисмана, под руководством одного из ассистентов. Нечего и говорить, что Владимир Михайлович охотно разрешал студенткам института работать в своих клиниках и лабораториях.

В 1903 г. исполнилось 25 лет научно-преподавательской деятельности Владимира Михайловича. Его имя к этому времени было широко известно не только в России, но и далеко за ее пределами; множество поздравлений было получено юбиляром от русских и иностранных научных обществ, учреждений и отдельных лиц; ученики и сотрудники поднесли ему специально изданный ими в двух томах сборник, посвященный 25-летию его научно-педагогической деятельности.

Отвечая на многочисленные приветствия и поздравления, Владимир Михайлович скромно заявил, что своими научными успехами он обязан своим учителям и предшественникам, особенно И. М. Балинскому и И. П. Мерзеевскому.

В то время Военно-медицинская академия имела право присуждать своим профессорам, пробывшим не менее десяти лет в должности ординарного профессора, ученое звание академика; это звание было присвоено и В. М. Бехтереву.

Научная и общественная деятельность Владимира Михайловича привлекала к нему не только отдельных людей, стремившихся к научной работе, но к его авторитету прибегали иногда даже учреждения. Так, к нему обратилось существовавшее и захиревшее в Петербурге «Общество любителей психизма», скорее кружок, в состав которого входили лица мистического направления, искавшие объяснений спиритических явлений. В числе этих лиц были ученые с крупным именем, объединившиеся не по специальности, а по определенной направленности своего мирозерцания. Владимир Михайлович согласился быть председателем этого общества, и очень быстро превратил его в «Русское общество нормальной и патологической психологии», не имевшее ничего общего с мистикой и весьма содержательно работавшее в течение многих лет. После двух-трех заседаний нового, преобразованного общества его старые члены быстро сообразили, что в преобразованном обществе им делать нечего, перестали посещать его заседания и вышли из его состава. Таким образом возникло новое общество, уничтожившее гнездо мистицизма.

Вслед за авантюрной, позорной войной с Японией, столь неудачно проведенной царским правительством, вспыхнула революция 1905 г. Ярким выражением гнилости и трусости царского правительства явился расстрел мирной рабочей демонстрации, направлявшейся 9 января к Зимнему дворцу с намерением подать просьбу о своих нуждах «царю-батюшке». В связи с этим возмутительным актом царского правительства был опубликован ряд протестующих заявлений; в числе их — воззвание 342 ученых.

Это была записка о современном положении и нуждах русской школы. В записке говорилось о положении просвещения в России, о недоступности начального образования, о том, что правительственная политика в области просвещения опирается на полицейский режим. Высшие учебные заведения находятся в состоянии крайнего разложения, свобода научного исследования и преподавания отсутствует. Профессора и преподаватели превращены в чиновников. Академическая свобода несовместима с государственным строем России, необходимо его коренное преобразование. В записке указывалось, что русское общество объединилось в одной мысли, выраженной в решениях съезда земских деятелей, в постановлениях Московской городской думы, московского, калужского и других земских собраний, в заявлениях

общественных учреждений, ученых коллегий и общественных групп. Присоединяясь к этим заявлениям, ученые, подавшие записку, высказывали твердое убеждение в безусловной необходимости создания незыблемого начала законности и предоставления политической свободы. Для этой цели необходимо привлечение свободно избранных представителей всего народа к законодательству и контролю над решениями администрации. Только на основе обеспеченной личной и общественной свободы может быть достигнута академическая свобода — необходимое условие истинного просвещения.

Затем следовали 342 подписи, в их числе подписи 16 членов Академии наук, 125 профессоров и более 200 доцентов, преподавателей, ассистентов и лаборантов (см. «Всемирный вестник», № 4, 1905). Кроме лиц, подписавших подлинную записку, мысли, высказанные в ней, поддерживало большое количество ученых разных квалификаций и положения.

К всероссийской забастовке рабочих, которая охватила также учащихся всех высших учебных заведений страны, присоединилась и Военно-медицинская академия. Владимир Михайлович в это время исполнял обязанности начальника академии, вследствие неожиданной смерти начальника академии проф. Таренецкого. Бехтерев пишет в своей автобиографии, что зима 1905/06 г. потребовала от него большого напряжения сил, так как необходимо было руководить академией в очень трудных условиях. «Могу сказать, — пишет он, — что это было выполнено с честью, но передавать подробности всех происшествий, бывших за это время в академии, и ликвидации их было бы излишним. Было уже решение и готовность министра утвердить меня окончательно в роли начальника академии, сохранив даже за мною кафедру и директорство по клинике, но я предупредил это решение, убедившись в чрезвычайном бюрократизме всего управленческого аппарата академии». К этому можно прибавить, что в то время немногие из профессоров отказались бы от такого почетного назначения.

В сентябре 1905 г. в Киеве происходил 11 съезд психиатров, на котором Владимир Михайлович произнес речь на тему «Об условиях развития личности». Понятно, что в связи с общим протестующим настроением и поведением большинства русской интеллигенции эта речь содержала много такой критики царизма и таких требований для надлежащего свободного развития личности, которые не могли понравиться правительству. Свою речь Бехтерев закончил стихами Лермонтова: «Отворите мне темницу, дайте мне сиянье дня». Речь Владимира Михайловича произвела на аудиторию сильное впечатление, ему была устроена шумная овация, его вынесли из зала на руках. Тотчас после этого в зале был организован митинг. Конечно, обо всем происшедшем было немедленно донесено киевскому градоначальнику Клейгельсу. По его распоряжению в зал была введена полиция, которая произвела ряд арестов, еще более возбудивших собрание. Клейгельс запретил съезд, и проф. И. А. Сикорскому, известному своими правыми убеждениями, председателю организационного комитета съезда, пришлось, по словам Владимира Михайловича, пережить немало волнений и неприятностей, чтобы добиться от Клейгельса, с которым он был знаком, разрешения на продолжение съезда и освобождения арестованных им лиц.

Характер убеждений Бехтерева выявился отчетливо осенью 1913 г. в известном процессе Бейлиса, имевшем, несомненно, политическое значение. Этот процесс показал антисемитское направление политики царского правительства и был специально организован с целью подготовки одного из очередных еврейских погромов, которые устраивались так называемой «черной сотней» по наущению правительства. Еврей Бейлис обвинялся в убийстве мальчика Ющинского. Суду было дано задание во что бы то ни стало обвинить Бейлиса в совершении убийства и именно ритуального, чтобы настроить население против евреев и вызвать погром. Дело происходило в Киеве. Состав суда и состав присяжных заседателей был подобран из антисемитов, а по своим общественно-политическим убеждениям они принадлежали к таким черносотенным организациям, как «Союз русского народа», «Союз Михаила-архангела» и др. Освидетельствование трупа не подтвердило, что убийство было совершено с ритуальной целью. Несмотря на то, что судом были отведены все свидетели, показания которых были нежелательны, несмотря на то, что в качестве обвинителей выступали все крупные черносотенные силы, присяжные заседатели были вынуждены вынести Бейлису оправдательный приговор. Оправданию Бейлиса немало способствовала экспертиза, отрицавшая ритуальные цели в этом убийстве. Во главе экспертов, способствовавших тому, что дело, подготавливавшееся черносотенцами в течение 2¹/₂ лет, потерпело крах, находились В. М. Бехтерев, Е. В. Павлов (профессор-хирург) и д-р А. И. Карпинский. Бейлис был оправдан.

Около этого же времени в жизни Военно-медицинской академии произошло событие, которое вовлекло в свою орбиту Владимира Михайловича, хотя не касалось его непосредственно. Вот как рассказывает об этом он сам в своей автобиографии. «Военный совет под председательством военного министра Сухомлинова, который в отношении управления академией был совершенно безграмотным человеком, издал приказ об отдаче студентами академии чести офицерам, подобно всем, как они тогда назывались, «нижним чинам». Вслед за этим приказом начались уличные столкновения между офицерами и студентами, не отдававшими чести, дело доходило до вооруженных столкновений. Грубое поведение офицерства вызвало сильное общественное возмущение. Студенчество, на стороне которого были все симпатии общества и печати, было потрясено и возбуждено происшедшим. Все единодушно обвиняли а происшедшем Сухомлинова, который будто бы на предательство начальника академии о взаимном приветствии заявил: «Слишком много чести для студентов, пусть они отдадут честь офицерам, как нижние чины».

В вечерней «Биржевой газете» появилась «беседа с одним видным генералом», в которой заявлялось, что сами профессора ходатайствовали об отдаче чести студентами и что во всем происшедшем виноваты только профессора. По справке в газете было достоверно выяснено, что «видным генералом», от имени которого передавалась беседа, был не кто иной, как сам Сухомлинов. Такая клевета на конференцию академии со стороны его высшего начальника настолько возмутила Владимира Михайловича, что он заявил профессорам о

необходимости протеста по поводу «беседы», опубликованной в газете. Было решено вынести этот вопрос на конференцию, которая для составления ответа образовала комиссию, в состав ее был включен и Бехтерев. Ответ, написанный достаточно вразумительно, опровергал все инсинуации министра и привел к тому, что ученому секретарю академии через главного военно-санитарного инспектора Евдокимова был сделан запрос о том, кто составлял протест. Ученый секретарь, вместо того, чтобы ответить, что протест шел от имени конференции академии, которая его одобрила, перечислил всех членов комиссии и таким образом возбудил недовольство министра некоторыми лицами и в том числе и В. М. Бехтеревым. Кроме того, неприязненное отношение Сухомлинова к Владимиру Михайловичу было вызвано также тем, что в аудитории психиатрической клиники студенты нередко устраивали сходки.

В описываемый период срок профессорско-преподавательской службы в университетах и в Военно-медицинской академии был установлен в 25 лет, по выслуге которых профессора обыкновенно автоматически оставались еще на 5 лет. Владимир Михайлович был оставлен сверх выслуженных 30 лет еще на 5 лет, что практиковалось очень редко. В 1913 г. истекло 40 лет службы Бехтерева, и военный министр отказал в дальнейшем его оставлении в Военно-медицинской академии.

После его ухода из академии кафедра нервных и душевных болезней, при содействии самого же Владимира Михайловича, была разделена на две самостоятельных кафедры — невропатологии и психиатрии. Это постановление о разделении кафедры на две самостоятельные можно было только приветствовать потому, что к тому времени эти науки так широко разрослись, что одному профессору было уже не по силам углубленное и всестороннее изучение и преподавание их в объединенном курсе.

В Военно-медицинской академии, в которой кафедры не были разделены до 1913 г., преподавание сложилось следующим образом: до организации кафедры психиатрии в Военно-медицинской академии в 1857 г. психиатрию читали профессора Шипулинский, Мянковский и Кулаковский, причем нервные болезни не читались. И. М. Балинский был психиатром. Курс психиатрии, который он читал, сохранился в виде записок, и учения о нервных болезнях в них не содержится. И. П. Мержеевский читал и невропатологию, и психиатрию, но он также был в большей степени психиатром, чем невропатологом. Владимир Михайлович был первым профессором в Военно-медицинской академии, который поставил на должную высоту преподавание нервных болезней, уделяя ему никак не меньше внимания, чем преподаванию психиатрии. Это вполне понятно, если мы вспомним, что Бехтерев был не только исключительным знатоком строения и функций нервной системы, но и одним из творцов учения о строении центральной нервной системы, много открытий в которой связано с его именем. Авторитет В. М. Бехтерева в этой области заслужил мировое признание. Его лекции всегда отличались большой содержательностью; он был замечательным невропатологом-диагностом, для которого не существовало трудностей при постановке диагнозов, всегда отличавшихся ясностью и точностью. Так, например, однажды им была установлена аневризма внутренней сонной артерии, подтвердившаяся произведенной больному операцией. Его диагнозы в области нейрохирургии почти всегда были безошибочны. Лекции Владимира Михайловича, сопровождавшиеся демонстрацией больных, обычно собирали полную аудиторию студентов и врачей клиники.

В клинике Бехтерева большое внимание уделялось лечению больных гипнозом (*Свои взгляды на гипноз Владимир Михайлович изложил в работе «Внушение и его роль в общественной жизни»*). Ежегодно Владимир Михайлович посвящал одну из своих лекций изложению учения о гипнозе, иллюстрируя лекцию наглядным материалом. Эти лекции, наряду со студентами и врачами, посещались также представителями других кафедр и даже посторонними лицами, не имевшими отношения к академии. Обычно аудитория не вмещала всех желающих присутствовать на лекциях Бехтерева.

ОСНОВАНИЕ ПСИХОНЕВРОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И ИНСТИТУТА МОЗГА

Вскоре после своего 25-летнего юбилея Владимир Михайлович (1903) задумал основать вольную высшую медицинскую школу с программой, гораздо более широкой по сравнению с медицинскими факультетами академии и университетов, школу, в которую свободно могли бы поступать молодые люди без различия сословия и вероисповедания. Эта школа была им основана и получила наименование Психоневрологического института. На первых двух курсах института преподавались социология, психология и другие общеобразовательные предметы. Этим имелось в виду помочь молодым людям сознательно выбрать род своей будущей деятельности. К преподаванию в институте, в котором было организовано три факультета: медицинский, юридический и педагогический, были привлечены такие лица, как М. М. Ковалевский, В. Л. Комаров, П. Ф. Лесгафт, Е. В. деРоберти, Бодуен де Куртене, Д. А. Дриль и др.

Возникновением своим это учреждение, на которое не было отпущено правительством никаких денежных средств, обязано исключительно энергии В. М. Бехтерева, который даже в царское время сумел заинтересовать общественность идеей создания свободного института, без казенной опеки, дающей средства, но и налагающей ряд тяжелых обязательств. От правительства Владимиру Михайловичу удалось лишь получить для постройки зданий Психоневрологического института 13 десятин земли из кабинетского фонда за Невской заставой, в так называемом царском городке, переименованном впоследствии в медицинский. Денег на постройку Психоневрологического института не было, вся надежда была на частные пожертвования, что и осуществилось, благодаря энергии самого Владимира Михайловича и его помощников. Отчасти этому способствовали революционные настроения общества в 1905 г., предъявлявшего свои права на высшую автономную школу.

13 десятин земли, отведенных Бехтереву для постройки института, представляли собой пустое, незастроенное место, но уже через несколько лет на нем было возведено девять корпусов различных зданий, в числе которых были: четырехэтажное здание для лабораторий и ряд институтов, а именно: противоалкогольный (позднее патолого-рефлексологический), нервно-хирургический, анатомический, клиника нервных и душевных болезней, специальная клиника для эпилептиков.

Как только был объявлен прием в Психоневрологический институт, пишет В. М. Можайский, несмотря на то, что никаких официальных прав он не давал, в него устремилось огромное количество молодежи со всех концов страны, и институт в самое короткое время приобрел большую популярность. Эта популярность создавалась как именем самого основателя института В. М. Бехтерева, так и теми крупными научными силами, которые там преподавали, а также свободным поступлением в институт всех, имеющих среднее образование, отсутствием тех рогаток, которые ставились перед поступающими в правительственные высшие учебные заведения. Значительная часть этой молодежи уезжала за границу — во Францию, Швейцарию, Германию, где владычила полуголодное существование, тратя еще сверх того много времени на изучение иностранного языка.

Вслед за революционным подъемом 1905—1906 гг. наступил период реакции, что не могло не отразиться на жизни Психоневрологического института и на отношении к нему правительства.

Вот как рассказывает сам Владимир Михайлович о трудностях, которые пришлось преодолеть в этот период молодому учреждению, крупной вольной школе, быстро превратившейся в частный Петербургский университет с четырьмя факультетами и двумя отделениями.

«Уже министр Шварц, изгнавший из университета женщин, пришедших туда в 1905 г., стал коситься на наш институт за то, что все чтение курсов началось в помещении уже закрытых курсов Лесгафта, и за то, что мы свободно приняли в институт огромное количество женщин. Но особенно министр был недоволен тем, что мы допускали в стены нашей высшей школы без всяких ограничений слушателей еврейской национальности, а также, наряду с окончившими классические гимназии, семинаристов и воспитанников реальных училищ. Министра раздражало и введение предварительного курса общего образования, за которым следовали специальные факультеты. Не меньшим злом в глазах министра было и то, что в институте работали крупные научные силы из числа прогрессивных ученых, двое из которых, Ковалевский и де Роберти, незадолго перед этим состояли в Париже профессорами Вольной высшей школы. Когда министр Шварц узнал о том, что в институте читается курс социологии, он раздраженно заметил: «Какая там может быть социология? Такой науки нет, а если что и есть, то лишь одна болтовня».

Особенно недоброжелательно отнесся Шварц к тому, что возник вопрос о льготах по воинской повинности для слушателей института. Интересно, что на словах он заявил Владимиру Михайловичу, что он не находит препятствий для предоставления этих льгот, но когда было ему представлено соответствующее письменное ходатайство, оно встретило решительный отказ, причем министр даже отказался от своего предварительного обещания. Он предоставил эти льготы лишь окончившим классические гимназии, хотя они составляли в институте значительное меньшинство. Владимир Михайлович, продолжая добиваться своей цели, обратился с тем же ходатайством в министерство внутренних дел, где встретил, как он пишет, самое теплое отношение со стороны заведующего соответствующим отделом, который предложил ему составить в письменной форме возражения на отказ Шварца для того, чтобы представить его на подпись министру Столыпину, бывшему в то же время премьером. Столыпин удовлетворил ходатайство Владимира Михайловича; оно с положительной резолюцией было передано Шварцу, которому оставалось только подчиниться всевышнему тогда министру, резолюция которого равнялась приказанию.

Вскоре Шварц был уволен с поста министра. Это обрадовало всю прогрессивную профессуру, которая не учла, что увольнение Шварца означало усиление реакции, которую он, видимо, недостаточно жестко осуществлял. Действительно, его преемником оказался Кассо, прославившийся своим исключительно реакционным, небывало циничным отношением к профессорско-преподавательскому составу университетов. Это отношение особенно ярко проявилось в увольнении из Московского университета проф. В. П. Сербского за его речь, произнесенную на I съезде психиатров. Кассо вообще прославился разгромом высшей школы, самочинно увольняя из нее неугодных ему профессоров и доцентов и нередко заменяя их неполноценными преподавателями. Незадолго до съезда несколько крупных профессоров были уволены из Московского университета, на что со стороны профессуры последовал протест, выразившийся в массовом выходе в отставку ряда профессоров и доцентов.

На собрании, на котором проф. Сербский произносил свою речь, присутствовал помощник градоначальника Москвы. Сербский критиковал политику Кассо и выразил пожелание, чтобы подобные «глупые случаи — *des cas sots*» в высшей школе не повторялись. Приведенная игра слов вызвала возмущение со стороны полицейского чина, который тут же заявил, что не может допустить продолжения речи. Съезд был приостановлен, что вызвало общее возмущение и недоумение среди съехавшихся отовсюду членов съезда, не знавших, ехать ли им домой или ждать дальнейших событий. Напряженное настроение возникло и в широкой публике. Однако через три дня было разрешено продолжать съезд, но под особым, усиленным контролем администрации.

Через три дня съезд возобновился в громадном зале университета Шанявского при огромном стечении публики. Владимир Михайлович должен был произнести речь на этом собрании, для которой он выбрал тему о самоубийствах, причем уделил достаточное внимание самоубийствам среди школьников; данные по этому вопросу он заимствовал из министерского отчета, материал для которого был собран санитарным инспектором

министерства народного просвещения проф. Хлопиным и опубликован им в специальной работе. Сам Бехтерев отмечает, что содержание его речи носило мрачный характер в связи с наблюдавшимися в то время массовыми самоубийствами, особенно среди рабочих и даже среди школьников, обусловленными тяжелым материальным положением и правительственными репрессиями. Тем не менее свою речь Владимир Михайлович закончил бодро и оптимистически. Речь произвела на публику сильное впечатление и вызвала продолжительные аплодисменты.

Во время перерыва к Владимиру Михайловичу подошел помощник градоначальника, снова присутствовавший на съезде, и попросил дать ему для просмотра рукопись его речи. На это Бехтерев ему ответил, что речь произнесена, он ее слышал, а просмотр рукописи он считает излишним и дать ее не может. К возражениям Бехтерева присоединились д-р Чечотт и проф. Рот, но полицейский настаивал на своем. Владимир Михайлович категорически отказался дать рукопись. Тогда тот заявил, что он немедленно по телефону сообщит об этом градоначальнику. Когда помощник градоначальника вернулся, Владимир Михайлович поинтересовался, что же сказал градоначальник? Оказалось, что градоначальник сделал своему помощнику выговор за то, что он не остановил Бехтерева во время его речи. «С чем вас и поздравляю», — сказал Владимир Михайлович.

Однако, как оказалось впоследствии, инцидент этим не был исчерпан. Строев (фамилия помощника градоначальника) донес о происшедшем министру внутренних дел и министру народного просвещения; в своем донесении охарактеризовал речь Владимира Михайловича как противоправительственную, упомянув о недопустимых стихах, которыми он закончил ее. Министр внутренних дел, повидимому, никак не реагировал на донос, а министр Кассо при первом же докладе, который делал ему Владимир Михайлович о постройке нервно-хирургической клиники, отложил доклад в сторону со словами: «Это мы обсудим потом, а теперь вы лучше мне скажите, что вы говорили в речи, произнесенной в Москве на психиатрическом съезде?» Когда Владимир Михайлович объяснил министру, что его речь в политическом отношении не представляла ничего особенного, что о школьных самоубийствах он говорил лишь то, что имеется в официальных материалах министерства, Кассо сказал, что по этому предмету Бехтерев должен ему представить письменный отчет.

По возвращении домой Владимир Михайлович получил письмо от Кассо, в котором тот спрашивал его в письменной форме, что он говорил на съезде в Москве о самоубийствах. Владимир Михайлович дал ответ и приложил многочисленные вырезки из газет, в которых передавалось содержание его речи. Однако этого оказалось недостаточно — министр прислал второе требование: дать более подробные объяснения и привести заключительные стихи, что Владимир Михайлович и выполнил. Из справки у заведующего высшими учебными заведениями выяснилось, что на основании решения министра дело о речи Бехтерева сдано в архив и что все это не имеет значения. Однако действительность показала другое. В своей автобиографии Владимир Михайлович сообщает дальнейшие подробности, причем «министра просвещения» характеризует, как одиозную и мрачную фигуру.

Кассо не утвердил Владимира Михайловича президентом им же основанного Психоневрологического института на новые пять лет, хотя это избрание было единогласным, а должность не оплачивалась. Выяснились и дальнейшие, более серьезные подробности в намерениях Кассо. Депутация профессоров института сделала представление по поводу происшедшего премьеру Кокорцеву, что предотвратило тяжелые последствия, готовившиеся для института: Кассо, как выяснилось, решил закрыть Психоневрологический институт, предварительно «сняв его главу». Дело в том, что во «всепопданнейшем» докладе петербургского градоначальника по поводу студенческих беспорядков, который Владимиру Михайловичу показали частным образом, было сказано, что, как всегда, на первом месте в этом отношении стоит Петербургский университет, а за ним идет Психоневрологический институт с его левой профессурой, причем следовало описание студенческих демонстраций и выражений протеста. Против этого места доклада была сделана карандашом следующая заметка Николая II: «Какая польза от этого института России? Желаю иметь обоснованный ответ». Однако представление, сделанное Кассо в совете министров о закрытии института, не встретило сочувствия, так как в это время в нем училось около 8000 молодых людей и закрыть институт было признано неудобным, тем более что министр мог на основании нового устава преобразовать его в соответствии с интересами министерства.

После приведенного указания Кассо потребовал от совета института представления нового устава. Совет поручил это дело специальной комиссии, которая в течение нескольких месяцев занималась составлением проекта нового устава, прежде чем передать его в совет. Совет нашел в представленном проекте ряд недостатков и возвратил его в комиссию для переработки. Такая проволочка разработки устава длилась довольно долго, несмотря на повторные запросы министерства. Совет не торопился выполнить требование министра, явно оттягивая представление устава. В конце концов, проект устава был представлен. Министр этого проекта не утвердил, даже не сделав на нем никаких замечаний, а просто поручил составление нового устава своему департаменту.

По составлении проекта он был показан Владимиру Михайловичу, который на это заявил, что не может взять на себя ответственность за вновь составленный устав и предложил отдать его на просмотр деканату института и его президенту с участием составителя. Были внесены в проект различные изменения и поправки, и, в конце концов, стороны договорились. Однако этот устав не прошел через министерство, так как Кассо сильно заболел и умер. Новый устав, в котором значилось, что Психоневрологический институт представляет собой частный университет и слушатели его по окончании пользуются всеми правами лиц, окончивших государственные университеты, был утвержден уже при следующем министре, графе Игнатьеве. На этом, однако, история Психоневрологического института не кончилась — после небольшой отсрочки его все-таки закрыли, и произошло это так.

Попечителем петербургского учебного округа был назначен Кульчицкий, переведенный из Казани. Раньше он был профессором гистологии в Харьковском университете. Кульчицкий приобрел известность за предложенный им способ окраски центральной нервной системы, который сохранил свое значение и до настоящего времени. Это был хороший профессор-преподаватель, но человек определенно реакционных взглядов — ставленник Кассо. Кульчицкий произвел подробное обследование Психоневрологического института с целью выяснить, может ли он отвечать требованиям университетского преподавания. Кульчицкий в своем заключении отметил, что по своему оборудованию институт не уступает любому провинциальному университету. Такой же отзыв последовал и относительно постановки преподавания в институте. В результате обследования устав института был утвержден министром, а В. М. Бехтерев восстановлен на посту президента.

Граф Игнатьев как министр народного просвещения был либеральнее своих предшественников, и при нем институт существовал благополучно, несмотря на то, что в нем попрежнему бывали бурные студенческие сходки. Повидимому, благоприятный отзыв Кульчицкого был вызван желанием придержать направление своего шефа; такое предположение подтвердилось дальнейшей его деятельностью. Когда Кульчицкий был назначен министром вместо Игнатьева, а студенческие сходки в институте (1917) не только продолжались, но еще более участились, он распорядился закрыть институт. Это произошло всего за три дня до февральской революции, и постановление министра до института не дошло. Институт сохранился, а царские министры, и в их числе Кульчицкий, были арестованы.

После Великой Октябрьской социалистической революции институт был принят на государственный бюджет и переименован во II Университет. В структуре его произошли некоторые изменения: педагогический и юридический факультеты вошли в состав I Университета; химико-фармацевтическое отделение превратилось в Химико-фармацевтический институт, сделавшийся позднее факультетом I Медицинского института (бывшего женского); кроме того, образованное при медицинском факультете ветеринарно-зоотехническое отделение было превращено в Зоотехнический ветеринарный институт. Основной же медицинский факультет Психоневрологического института был превращен в Государственный институт медицинских знаний (ГИМЗ), мощное, хорошо оборудованное учреждение, которое позднее, по мере развертывания его клиник в Больнице им. Мечникова, получило наименование II Медицинского института.

В своей автобиографии Владимир Михайлович высказывает как бы некоторое недовольство выделением из основанного им института ряда отделений и факультетов. Он пишет, что это мероприятие проводилось, «к сожалению, не без участия некоторых из наших профессоров». В действительности же эта реформа принесла большую пользу делу народного образования. Ясно, что территории и зданий Психоневрологического института было далеко не достаточно для развертывания намеченного учреждения, слишком широкого и неоднородного. Выделенные из него факультеты и отделения много выиграли, развернувшись в самостоятельные учреждения, а медицинский факультет, превратившийся, подобно факультетам других университетов, в самостоятельный медицинский институт, получил большую территорию со всеми находящимися на ней зданиями. Однако не только Психоневрологический институт, известный в течение некоторого времени под именем II Университета, но и отделы, превратившиеся в самостоятельные институты и занявшие первые места в ряду крупнейших научных учреждений страны, возникли в основном благодаря творческой деятельности В. М. Бехтерева. К таким институтам принадлежат Зоотехнический и Химико-фармацевтический.

Психоневрологического института в прежнем его виде в настоящее время не существует, но на его территории остался Невропсихиатрический институт, недавно снова получивший наименование Психоневрологического, с соответствующими клиниками.

Следует отметить, что старые воспитанники, профессора и преподаватели Психоневрологического института, помогавшие В. М. Бехтереву в его борьбе за создание института, сохранили о нем самые лучшие, теплые воспоминания. Так, ныне покойный президент Всесоюзной академии наук акад. В. Л. Комаров в одном из выступлений в дни празднования 50-летнего юбилея своей научной деятельности в 1944г. очень тепло вспоминал о своей профессорской работе в Психоневрологическом институте.

Попытка создания свободной высшей школы в царской России, угнетавшей все живое, была, несомненно, очень положительным явлением. В институт охотно шли и профессора, и учащиеся, несмотря на то, что он был расположен на окраине, куда трудно было добраться. При советской власти институт, естественно, должен был раствориться в общей системе высшего медицинского образования.

С самого начала Великой Октябрьской социалистической революции Владимир Михайлович, в противовес позиции значительной части тогдашней интеллигенции, занимавшейся саботажем, был среди тех, кто сразу стал на сторону победившего народа.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции создались условия для работы ученого с таким размахом и творческой инициативой, каким был Владимир Михайлович.

В. М. Бехтерев уже давно задумал основать научно-исследовательское учреждение для всестороннего изучения строения мозга, его функций и психической деятельности. Идея основания институтов по изучению мозга была высказана впервые на собрании ассоциации академий наук около 1905—1906 гг. Вскоре после этого такие институты были организованы в Вене Оберштейнером, в Берлине супругами Фогтами, но все это

делалось в самых скромных размерах, на частные средства. Основать такое учреждение Владимиру Михайловичу удалось только при советской власти.

10 июня 1918 г., несмотря на тяжелую обстановку внутри страны в связи с гражданской войной, интервенцией, разрухой, вызванной первой мировой войной, правительство издало декрет об основании Института мозга и выделило для этой цели два больших здания — дворец бывшего главнокомандующего царской армией, расположенный на набережной Невы вблизи Троицкого моста (ныне Кировского), и примыкавший к нему дом по Петровской улице.

Институт мозга объединил ряд учреждений, имевших связь с бывшим Психоневрологическим институтом и вошедших в систему Психоневрологической академии, которую возглавлял в качестве президента В. М. Бехтерев. Сюда вошли: Патолого-рефлексологический институт им. акад. Бехтерева, Детский обследовательский институт им. Грибоедова, Отофонетический институт, Институт социального воспитания, Воспитательно-клинический институт им. акад. Бехтерева (позднее Психоневрологическая школа-санаторий для беспризорных), Институт глухонемых. Центральная вспомогательная школа, Педологический институт (позднее педологическое отделение Института мозга) и др. Педологический факультет Психоневрологического института преобразовался в дальнейшем в Институт педологии и дефектологии, слившийся затем с Педагогическим институтом им. Герцена.

В настоящее время совершенно очевидно, что такое учреждение в целом не могло быть сколько-нибудь прочным, несмотря на то, что отдельные его части были и остаются вполне жизненными и необходимыми. Академия являлась, во-первых, комплексом совершенно разнородных учреждений, неправильно и искусственно объединенных общим наименованием психоневрологических; во-вторых, в основу их деятельности были положены идеологически неправильные принципы рефлексологии и педологии, отвергнутые в дальнейшем развитии советской науки; в-третьих, потому, что при создании ее имела место своеобразная гигантомания, тогда как руководство всей этой разросшейся сетью было непосильно одному человеку. Наконец, академия такого типа могла существовать лишь в первые годы социалистической революции, когда все учебно-ученые и воспитательные учреждения сосредоточивались в ведомстве одного Народного комиссариата просвещения. Когда же эти учреждения были распределены между различными наркоматами (просвещения, социального обеспечения и здравоохранения), часть их получила лучшую, более прочную базу для своего развития, часть же была коренным образом реорганизована, получив идеологически правильное направление. Психоневрологическая академия, бывшая в свое время полезным учреждением, вскоре после смерти В. М. Бехтерева прекратила свое существование. Однако центральный институт, вокруг которого объединялись все остальные учреждения, — Государственный рефлексологический институт по изучению мозга и психической деятельности им. В. М. Бехтерева — не только сохранился, но окреп и развился в системе Народного комиссариата здравоохранения СССР как Государственный институт мозга им. В. М. Бехтерева.

На этом институте необходимо остановиться уже потому, что организация его потребовала особых усилий со стороны его основателя. Все созданные им учреждения Владимир Михайлович строил очень широко, не замыкая их деятельности слишком строгими, узко специальными рамками. Человек непрерывных исканий, Бехтерев стремился к возможно более широкому охвату всех с его точки зрения необходимых и полезных теоретических и практических проблем знания, хотя бы и не слишком тесно связанных с его главной специальностью.

Институт мозга был основан, как вспоминал потом Владимир Михайлович, в очень тяжелое время для развития научной работы, в обстановке разрухи и трудностей. Голод, отсутствие транспорта и света, холод в помещениях влияли на моральное состояние, затрудняли научную работу. Немало ученых бежало за границу, бросив свою работу. Когда такие предложения были сделаны Владимиру Михайловичу, он отверг их без всяких колебаний. Свой взгляд на переживаемую эпоху и в связи с этим на задачи нового института Владимир Михайлович высказал в своей речи, произнесенной в январе 1919 г. на публичном заседании на тему «Основные задачи рефлексологии труда».

«На переломе истории, — говорил Бехтерев, — нельзя стоять на перепутье и ждать, — нужна воля к действию, к строительству и созидательной работе, и для нас, научных деятелей, которые всегда отдавали свои силы на служение человечеству, не должно быть колебаний. Мы должны отдавать себе отчет, будем ли мы с народом, который, завоевав себе свободу, хочет строить свое будущее сам и зовет нас соучаствовать в этом строительстве. Может ли быть сомнение в ответе на этот вопрос? Мы должны поэтому стремиться к тому, чтобы сократить по возможности время разрухи, отдавая всю сумму наших знаний и все умение на созидательную работу в настоящих условиях страны и на пользу народа. В этом отношении и новое учреждение — Институт по изучению мозга и психической деятельности — при своем развитии может дать новой молодой России то, чего не могли дать научные учреждения в прежнее время, и это потому, что народ, почувствовав себя свободным, проявляет необычайную жажду знаний, которая открывает широкие перспективы не только в строительстве государственном и социальном, но и в строительстве научного характера». Эти значительные для того времени слова показывают всю искренность отношения Владимира Михайловича к Великой Октябрьской социалистической революции, глубокое осознание им ее смысла и значения. Речь Бехтерева произвела сильное впечатление не только на сотрудников института, но и в более широких кругах научных работников. В самом институте, несмотря на крайне тяжелые условия, все время продолжалась работа.

В составе института было организовано много отделов и лабораторий, пожалуй, количество их было чрезмерным для одного учреждения, но это объяснялось периодом исканий и желанием принести возможно большую пользу новому государству. В то время такая полиморфность имела известное положительное значение и могла быть оправдана, хотя вызывала некоторое распыление научных сил, но позднее выявилась необходимость большей концентрации отделов вокруг стержневых задач института.

Были организованы отделы морфологии, общей физиологии нервной системы, физиологии центральной нервной системы, биохимии, психологии труда, младенчества с отделом развития, рефлексологии и др.; при активном участии акад. Е. Н. Павловского был организован музей сравнительной анатомии центральной нервной системы, приступлено к созданию Пантеона — собрания мозгов выдающихся людей, создан музей портретов деятелей психиатрии и психологии. Была организована библиотека института, издавался ряд журналов и сборников.

Уже после смерти В. М. Бехтерева Музей сравнительной анатомии центральной нервной системы был реорганизован под непосредственным руководством проф. Владимира Александровича Вагнера в Музей эволюции нервной системы и сравнительной психологии; экспозиция музея дает последовательно-историческую картину эволюции нервной системы животных, а также характеризует типы животных и их поведение.

Реорганизация, произведенная Вагнером, внесла живую струю в жизнь музея. Он приобрел большую популярность среди учащихся. За время его существования музей посетили десятки тысяч экскурсантов — учащихся. В Пантеоне института хранятся и частью уже изучены мозги замечательных людей: великого русского химика Д. И. Менделеева, акад. С. Ф. Ольденбурга, А. Ф. Кони, самого В. М. Бехтерева и многих других.

В настоящее время институт, после выделения Отдела труда, состоит из отделов: морфологии центральной нервной системы, общей физиологии нервной системы, физиологии центральной нервной системы, биохимии, психологии и невропсихиатрии, и находится в ведении Министерства здравоохранения СССР.

В наши задачи не входит характеристика деятельности Института мозга после смерти его основателя. Отметим только, что на первых порах в его работе были допущены идеологические ошибки, впоследствии постепенно исправленные. В основе этих ошибок лежали неправильные рефлексологические и педологические принципы (термин «рефлексологический» вошел даже в первоначальное наименование института). На этой ошибочной основе возникло много вредных извращений и неправильных толкований. Советская педагогика и медицина отвергли педологию как «псевдонауку». Рефлексологическое направление, защищавшее позиции грубого, вульгарного материализма, постепенно отмерло.

Уход В. М. Бехтерева из Военно-медицинской академии несколько не ограничил размаха его организационной и общественной деятельности. Владимир Михайлович продолжал преподавательскую деятельность и сохранил большую аудиторию учащихся в Женском медицинском институте, преобразованном после Великой Октябрьской социалистической революции в Первый медицинский институт, и в Государственном институте медицинских знаний. В. М. Бехтерев читал много публичных лекций в Ленинграде, в Москве и во многих городах республики; его лекции неизменно собирали громадную аудиторию.

Необходимо остановиться на некоторых особенностях состава клиник Психоневрологического института. Кроме обычных клиник, необходимых для преподавания нервных и душевных болезней, в институте были организованы клиники невротозов и психоневротозов, эндокринных заболеваний, для алкоголиков и алкогольных психозов. Обычно лица, страдавшие упомянутыми заболеваниями, принимались в нервные и психиатрические больницы и клиники только в очень небольшом количестве, как потому, что они требовали особого, связанного с большими хлопотами лечения, так и вследствие того, что в клинике нужно было обеспечить места для других больных, необходимых для преподавания. К первой категории больных принадлежали истерики, неврастеники, психастеники с навязчивыми явлениями, нуждавшиеся в применении различных методов психотерапии, которые культивировались тогда в институте, в особенности гипнотическое внушение. Эндокринные заболевания, или болезни, обусловленные поражением желез внутренней секреции, были тогда еще не достаточно изучены. Были известны только болезни, обусловленные поражениями щитовидной железы, гиперсекреция которой вызывает базедову болезнь, а снижение ее функции приводит к кретинизму и микседеме (слизистый отек). Было также установлено, что поражение околотитовидных желез вызывает судорожные припадки, приводит к поражению мозгового придатка (гипофиз), акромегалии или гигантизму, сопровождающимся усиленным ростом частей лица (нос, брови, подбородок), верхних и нижних конечностей, особенно кистей и стоп, пальцев рук и ног, огрубением голоса и т. д. Но, кроме этих заболеваний, подвергшихся более углубленному изучению, оставался еще ряд других, исследованных совершенно недостаточно (различные формы ожирения, комбинированные поражения эндокринных желез и т. д.). В специальных клиниках института изучение этих заболеваний значительно подвинулось вперед.

Еще большее значение имело учреждение стационара и амбулатории для лечения алкоголиков.

Алкоголизм был сильно распространен в царской России и привел к значительному распространению душевных заболеваний: по статистическим данным того времени, около 10% больных, содержащихся в психиатрических больницах, были обязаны своим заболеванием потреблению алкоголя. В Казанской

окружной лечебнице, обслуживавшей семь волжских губерний и по соглашению с земством принимавшей без ограничения всех отравленных алкоголем, количество таких больных временами доходило до 55%.

Специальных лечебниц для алкоголиков в то время было очень мало, они насчитывались только единицами, поэтому организация такой лечебницы при Психоневрологическом институте является большой заслугой В. М. Бехтерева.

Очень скоро амбулатория, в которой проводилась психотерапия алкоголиков, главным образом посредством внушения в гипнотическом состоянии, приобрела чрезвычайно большую популярность среди населения. Желавших лечиться оказалось так много, что применение индивидуального лечения стало невозможным. Тогда Владимир Михайлович перешел к лечению массовым внушением, производившимся в довольно большом помещении, в котором больные сидели рядами. После краткой вступительной лекции, в которой Владимир Михайлович объяснял своим пациентам значение и смысл гипнотического лечения, он приводил их в состояние гипнотического сна, затем, обходя ряды пациентов, проверял степень усыпления и, где это было необходимо, подкреплял его словесно или путем прикосновения; убедившись, что пациенты погружены в сон, Владимир Михайлович производил соответствующее внушение, иногда повторно, и через некоторое время будил пациентов.

Сотни алкоголиков проходили через руки Бехтерева, причем курс психотерапии состоял из ряда сеансов. Большинство алкоголиков прекращало пить; если даже это воздержание было временным, оно все-таки давало облегчение их семьям и улучшало их собственное положение. Опыт гипнотического лечения алкоголиков показывает, что полное излечение от алкоголизма достигается не менее чем у 20% лечущихся. Несомненно, что среди больных-алкоголиков, проходивших через руки такого опытного врача, каким был Владимир Михайлович, при его высоком авторитете как целителя, процент выздоровлений был значительно более высоким, чем у других психотерапевтов. Бывали случаи, что алкоголики бросали пить по одному слову Владимира Михайловича.

Деятельность Владимира Михайловича в первые, трудные годы существования советского государства не замыкалась рамками академии. В период интервенции наша страна, как известно, была блокирована империалистическими государствами, стремившимися задушить молодую Советскую республику колючей рукой голода. Бедствия, приносимые блокадой, были очень велики. Владимир Михайлович не мог, как он пишет в своей автобиографии, спокойно и безропотно наблюдать гибель тысяч людей и опубликовал обращение к врачам всего мира с просьбой протестовать в печати и устно против неслыханного злодеяния «цивилизованных» стран, против заведомого и массового убийства мирных граждан, особенно детей и немощных инвалидов, производимого блокадой. «Это был крик, — пишет Владимир Михайлович, — вырвавшийся у меня невольно, как по рефлексу... Мое обращение было опубликовано в январе 1920 г. во многих наших газетах и передано по радио за границу».

Протест Бехтерева не прошел бесследно. Это был голос крупнейшего ученого с мировым именем, исходивший от человека, работавшего в Советской России, и замалчивать его было не легко. Протест Владимира Михайловича, конечно, вызвал к нему резко враждебное отношение в белоэмигрантской среде, хорошо его знавшей.

Владимир Михайлович высоко ценил доверие, которое выражала ему советская власть. Он был членом всех составов Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, причем развивал большую и полезную работу, которая вполне оправдывала его избрание.

Владимир Михайлович работал в секции по образованию. В первые годы после Великой Октябрьской социалистической революции уделялось много внимания делу ликвидации безграмотности в нашей стране. Владимир Михайлович предложил в целях насаждения грамотности организовать передвижные школы, преподаватели которых, своеобразные «бродячие» учителя, должны были передвигаться с места на место. Этому мероприятию он придавал большое значение, принимая во внимание отсутствие хороших дорог, недостаток транспорта и разбросанность населения. Эта мера успешно применялась в Ленинградской области.

Владимир Михайлович выдвинул также предложение о создании подобного же института передвижных сельскохозяйственных агрономов, которые должны были, переходя из деревни в деревню, практически обучать крестьян, давать им необходимые советы на месте работы, в поле.

Владимир Михайлович рекомендовал устройство в деревнях площадок по физическому воспитанию, руководство которыми в силу недостатка средств могли бы также осуществлять передвижные «бродячие» учителя физкультуры, переходя из одной деревни в другую, создавая под своим руководством группы молодежи, отшлекая ее от озорства и пьянства.

Владимир Михайлович устно и в печати неоднократно высказывался в защиту «социально-трудового» воспитания. В детях нужно развивать инициативу, стремление к деятельности на общую пользу совместным трудом; необходимо прочно закреплять у них чувство гражданского долга, чтобы общественное дело всегда ставилось ими выше своих личных выгод, а общественные интересы защищались всюду и везде. Общественные интересы должны занимать у детей первое место.

В. М. Бехтерев считал важным элементом в воспитании детей пропаганду «социального героизма». Свои взгляды на воспитание Владимир Михайлович проводил в жизнь через Воспитательно-клинический институт, лично руководя им. Один из вечеров в институте еженедельно посвящался рассказам о деятельности героических личностей, преодолевавших жизненные препятствия во имя достижения общественно-полезных целей. Эти рассказы, сопровождавшиеся показом картин при помощи проекционного аппарата, дети слушали с напряженным вниманием, они служили для них предметом продолжительных и оживленных разговоров, а также темой для различных инсценировок.

Под влиянием старых взглядов об аполитичности науки и ученых Владимир Михайлович иногда в своих выступлениях характеризует себя как человека, стоящего на «общечеловеческой платформе», «далеко от всякой политики». В действительности Владимир Михайлович упорно искал выхода из старых форм жизни в целях раскрепощения народов, угнетения одним человеком другого. «Поэтому, — говорит Владимир Михайлович, — в начале мировой войны в публичной речи я высказал свои мысли протай, войны, как мог по тогдашнему времени, когда то и дело в речах различных ораторов слышались отзвуки старого гимна «Гром победы раздавайся». В. М. Бехтерев писал по поводу первой мировой войны: «Мне представляется настоящая война в виде политического кризиса всей вообще современной цивилизации, отрицательные стороны которой бичевал Л. Н. Толстой». Можно не сомневаться в том, какую позицию занял бы Владимир Михайлович, если бы он дожил до войны, организованной фашистскими варварами, в которой наш Советский Союз в полном смысле этого слова явился спасителем цивилизации.

Совсем не случайна была позиция Владимира Михайловича после Великой Октябрьской социалистической революции. Со всей искренностью прозвучали его слова в одной из речей: «Мы имеем великую Феде рацию народов, объединяемых СССР, в которой каждый народ, будучи свободным, чувствует себя уже теперь равным братом во всей советской семье. Этому-то новому великому государственному организму открываются великие возможности не только в сторону социального прогресса, но и прогресса научного».

Нельзя поэтому согласиться со скромным заявлением Владимира Михайловича, что он — человек, стоящий далеко от всякой политики. Эта оценка не верна по отношению к дореволюционному периоду его жизни, и уж никак не может быть применена к его жизни и деятельности после Великой Октябрьской социалистической революции. Всеми своими делами он доказал свою преданность советской власти. Недаром в 1925 г. на обширном собрании, посвященном торжественному празднованию 40-летия его профессорской деятельности, В. М. Бехтерев заявил:

«Жизнь требует, чтобы мы шли вместе со своим народом; кто не понимает этого и не следует по этому пути того она выбрасывает за борт».

Советское правительство ценило В. М. Бехтерева и относилось к нему исключительно внимательно, стремясь создать наилучшие условия для развития его научной деятельности. Это видно уже из того, что В. М. Бехтерев получил возможность основать Институт мозга, чего он никак не мог добиться при царизме. Правительство отпустило Владимиру Михайловичу сорок тысяч в золотой валюте на приобретение необходимого заграничного оборудования, предоставило для осуществления закупок командировки самому Владимиру Михайловичу и его сотрудникам. Уже вскоре после организации Институт мозга был настолько хорошо оборудован новейшими приборами и аппаратурой, что ему могло позавидовать любое научное учреждение. Нельзя при этом забывать, что это было сделано в то время, когда экономика Советского Союза едва только начинала восстанавливаться после потрясений гражданской войны и интервенции.

Владимир Михайлович любил изредка писать стихи и даже печатал их под псевдонимом Тихобережский. Свою автобиографию он заканчивает такой строфой, которая должна была как бы подвести итог его жизни:

И пусть на месте масс поработанных
В веках живет и крепнет и цветет
Союз всех стран объединенных,
Забывших старый, тяжкий гнет!

НАУЧНОЕ ТВОРЧЕСТВО В. М. БЕХТЕРЕВА

В. М. Бехтерев был крупнейшим русским ученым, внесшим много ценного и нового в науку. Он пользовался мировой славой. Нет ни одной страны в обоих полушариях, где имя Бехтерева не было бы известно. Труды его переведены на многие иностранные языки.

Попытаемся осветить научную деятельность Владимира Михайловича, показать, в чем состоит вклад Бехтерева в мировую науку.

Нужно помнить при этом, что как в жизни Владимир Михайлович был очень многосторонним человеком, так и в науке он живо и активно интересовался не только вопросами своей специальности, но и всеми смежными с нею областями и направлениями.

Первым крупным и одним из основных научно-исследовательских трудов В. М. Бехтерева монографического характера была работа, вышедшая в Казани под заглавием «Проводящие пути мозга».

Сам Владимир Михайлович предпосылает изложению результатов своих исследований следующие слова: «... знакомство с проводящими системами в мозгу представляется настолько важным для лиц, имеющих предметом своего изучения деятельность нервной системы и ее болезненные расстройства, что всякий труд, клонящийся к облегчению приобретения сведений в указанном отношении, можно считать вполне вознагражденным, если только цель его оказывается в большей или меньшей степени достигнутой. В какой мере мне удалось приблизиться к осуществлению главнейшей цели настоящего труда, заключающейся в том, чтобы передать в кратком изложении важнейшие проводящие системы в мозгу и таким образом облегчить лицам, получившим уже некоторое знакомство с анатомией мозга, изучение взаимных соотношений между содержащимися в нем гнездами серого вещества, — судить, конечно, не мне...»

Уже из этого введения видно, какое важное значение в клинике нервных болезней должно иметь такое исследование.

Центральная нервная система, т. е. головной и спинной мозг, состоит из белого и серого вещества: белое содержит нервные проводники, а серое — нервные клетки и группы их, называемые ядрами. Изучение проводящих путей спинного и головного мозга состоит в определении проводниковых пучков, идущих к ядрам и несущих к ним различные раздражения (болевые, осязательные, зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые) и берущих начало от ядер, посылающих к периферии центробежные, двигательные раздражения. Те и другие раздражения на своем пути к коре головного мозга или продвигаясь от коры к периферии, прерываются скоплениями серого вещества, принимающего проходящие возбуждения и посылающего их дальше. Таким образом, и центробежные, и центростремительные раздражения проходят на своем пути через несколько промежуточных пунктов. Для того чтобы понять строение и деятельность мозга (его функции), необходимо, кроме проводниковых, или проекционных, систем (центробежных или центростремительных), изучить связи между отдельными областями или центрами мозга; эти связи носят наименование сочетательных, или ассоциативных, систем.

Исследования в этом направлении велись и до В. М. Бехтерева, причем было установлено много важного и интересного как в нормальной анатомии спинного и головного мозга, так и в их патологическом состоянии, но систематического изучения проводниковых путей и связей центральной нервной системы посредством предложенного Флексигом эмбриологического метода не производилось. Успеху этого изучения способствовал открытый Вейгертом способ окраски мягкотных волокон гематоксилином. Правда, против эмбриологического метода были возражения; указывалось, что обложение мягкотных нервных волокон обуславливается не столько началом их функционирования, сколько лучшим или худшим снабжением их кровеносными сосудами и что одновременность миэлинизации нервных пучков еще не доказывает тождественности их функций. Однако эти возражения весьма относительны и нельзя не признать, что В. М. Бехтереву удалось установить много нового в области микроскопической анатомии и физиологии центральной нервной системы.

По мере того, как Владимир Михайлович получал результаты своих исследований, он печатал статьи в специальных русских и иностранных журналах, а общую сводку опубликовал в виде обширной работы «Основания микроскопической анатомии человека и животных» под редакцией Лавдовского и Овсяникова, а затем и отдельной книгой.

Владимир Михайлович начал свою работу в Военно-медицинской академии почти одновременно с выходом в свет этой книги, во второй половине 1893 г. Уже в 1894 г. она была переведена на немецкий язык. Бехтерев получил предложения о переводе книги и на другие языки, но он решил сделать это только тогда, когда его исследования в области анатомии нервной системы достигнут большей полноты. Продолжая работать сам, он поручил ряду своих учеников и сотрудников дальнейшее изучение проводящих путей экспериментальным методом на животных, не ограничиваясь использованным им эмбриологическим методом. Успеху этих исследований содействовало появление в то время более тонких способов окраски срезов мозга — Паля, Кульчицкого и Марки. Эти же способы давали возможность продуктивно исследовать мозг людей, погибших от таких поражений центральной и периферической нервной системы, как паралич черепномозговых нервов с поражением их ядер, опухоли и ранения мозга разной локализации, его гнездные поражения. Исследование подобных случаев давало весьма поучительный материал, приближавшийся по своему характеру к экспериментальному, который в обычных условиях на людях нельзя было получать. В это же время знаменитый испанский ученый Рамон-и-Кахал (Ramon y Cajal) предложил метод серебрения клеточных элементов мозга с их отростками, при котором очень хорошо и четко выделялись связи одних нейронов с другими. Особенно убедительными получались картины связей между нервными элементами в мозгу эмбрионов, зародышей и младенцев. В этом направлении фундаментальное исследование, послужившее основой для ряда ценных выводов, было произведено Гизе.

Из сказанного понятно, почему Владимир Михайлович не слишком торопился со вторым изданием своей книги, которая вышла в двух томах в 1896 и в 1898 гг. В нее включены были не только исследования самого автора, но и его сотрудников, произведенные в лаборатории Бехтерева по его заданию и под его руководством. Второе издание было снабжено большим количеством рисунков, непосредственно сделанных с

препаратов мозга. В предисловии к этому изданию Владимир Михайлович совершенно правильно отмечает, что книга должна иметь большое значение для клиницистов. Объем нового издания превысил первое больше чем в три раза.

Книга, озаглавленная в этом новом издании «Проводящие пути спинного и головного мозга», явилась первым обширным и детальным руководством к изучению внутренних связей мозга, систематически проверенным на основании не только метода развития, но и ряда других методов, взаимно проверявших и дополнявших друг друга. В. М. Бехтерев привел в строгую систему наши сведения о проводящих путях, значительно дополнив и уточнив их ход и взаимоотношения, описав впервые ряд новых образований, до него не привлекавших внимания исследователей и сохранивших в науке его имя. Так, он уточнил ход и деление задних корешков спинного мозга, описал впервые группу клеток у наружной части шейки заднего рога, названную его именем, и неизвестный до него внутренний пучок бокового столба, заложенный в так называемом пограничном слое снаружи заднего рога. Подробно было изучено и описано сетевидное образование (*formatio-reticularis*), расположенное в мозговом стволе, причем впервые выделены: сетчатое ядро покрывки на уровне верхнего этажа варолиева моста, лежащее выше его срединное ядро на уровне переднего четверохолмия по обеим сторонам шва, верхнее ядро в центральных областях покрывки, безымянное ядро, расположенное на уровне переднего четверохолмия и обрамленное снаружи и снизу волокнами петлевого слоя, и расположенное между передним и задним двуххолмием околдвухолмное ядро (*corpus parabigeminum*). Ядро, лежащее снаружи от угла четвертого желудочка и служащее окончанием преддверного нерва (*n. vestibularis*), получило наименование ядра Бехтерева.

Владимиром Михайловичем впервые описаны следующие большие пучки мозгового ствола: волокна центральных пучков покрывки, связывающие зрительные бугры с задними оливами; пучок, соединяющий оливы с ядром отводящего нерва и задним продольным пучком; показана связь улиткового нерва с наружным ядром и слуховым бугорком и вестибулярного нерва с ядром Дейтерса и Бехтерева; отвесный пучок моста, связывающий ядра моста и волокна средней мозжечковой ножки с сетчатым ядром покрывки и задним двуххолмием, нисходящие связи зрительного бугра.

В больших полушариях головного мозга Бехтеревым отмечено впервые обособление от *globus pallidus* подкорковых узлов основания мозга, а именно *corpus caudatum* и *putamen*, представляющих корковое образование и образующих внутреннюю извилину мозга, простирающуюся от *substantia perforata anterior* до верхушки височной доли. Установлено на основании исследования нескольких случаев мозговых поражений нисходящее перерождение наружного отдела мозговой ножки (пучка Тюрка). В. М. Бехтерев доказал, что наружный обонятельный корешок, рано облагающийся мякотью, идет непосредственно в кору крючковидной извилины (*gyrus uncinatus*). В коре мозговых полушарий, между первым и вторым ее слоем, описана полоска белых волокон, обозначаемая после этого открытия как полоска Бехтерева. Установлено, что всюду в образованиях коры мозговых полушарий, обозначаемых как зрительные, слуховые, кожно-мышечные и другие центры, имеется парное распределение восходящих и нисходящих проводников, причем к одному восходящему проводнику может примыкать несколько центробежных связей.

Для написания своей книги «Проводящие пути» Владимир Михайлович использовал 867 работ русских и иностранных авторов.

Перечисление всех выделенных и описанных Бехтеревым впервые образований и связей, проводниковых и сочетательных систем, всех внесенных им уточнений относительно их взаимоотношений заняло бы слишком много места; подробное знакомство со всеми этими материалами, которые и сейчас разрабатываются и уточняются, — дело специалистов. Здесь же нам хотелось показать, как велико значение работ Владимира Михайловича в области изучения проводящих путей спинного и головного мозга, строение которого отличается чрезвычайной сложностью и далеко еще не изучено.

Благодаря В. М. Бехтереву исследование этого вопроса двинулось намного вперед. Его работа получила высокую оценку Академии наук, которая присудила ему премию Бэра. Книга Владимира Михайловича была переведена на немецкий и французский языки.

Не останавливаясь на достигнутом, Владимир Михайлович продолжал сам, и совместно со своими сотрудниками изучать различными методами строение центральной нервной системы и получил еще немало новых и интересных результатов. По данным, приведенным в статье В. М. Можайского «Очерк жизни и деятельности В. М. Бехтерева», помещенной в сборнике, посвященном 40-летию его профессорской деятельности, Владимиром Михайловичем было опубликовано свыше 80 работ, относящихся к различным вопросам строения и связей центральной нервной системы.

Однако строение и функции органов тела у человека неотделимы друг от друга; это относится и к центральной нервной системе, спинному и головному мозгу в целом, и основным элементам — нервным клеткам с их отростками. Бехтерев не принадлежал к числу тех ученых, которые в своих исследованиях ограничиваются узкими задачами и отмежевываются от смежных вопросов, хотя они и связаны теснейшим образом с предметом их исследования. Он, напротив, искал этих взаимоотношений и связей и стремился всегда к расширению программы своих изысканий. Так, сосредоточив свое внимание на изучении проводящих путей, Владимир Михайлович, одновременно в сотрудничестве с известным физиологом Н. А. Миславским, в течение многих лет занимавшим кафедру физиологии на медицинском факультете Казанского университета, выполнил ряд исследований, посвященных различным вопросам функций нервной системы.

Эти исследования, продолженные и развитые уже в Петербурге совместно с многочисленными сотрудниками Бехтерева, послужили основой для его грандиозной работы, изданной в семи частях в 1903—1905 гг. и озаглавленной «Основы учения о функциях мозга». Этот огромный труд (объемом около 2 500 страниц), осуществление которого было под силу только немногим ученым, охватывает все стороны деятельности нервной системы, являясь в то же время синтезом изысканий самого Владимира Михайловича в этой обширной области.

Первые три части этого обширного исследования содержат учение о спинном и продолговатом мозге, четвертая часть посвящена статическому чувству и учению о функциях мозжечка, в пятой части рассматривается средний мозг, в шестой — большие мозговые полушария и в седьмой — функции мозговой коры. Нельзя, конечно, функции органов рассматривать независимо от их строения, поэтому естественно, что автор предпосылает каждому отделу краткое изложение строения соответствующего участка мозга. Анализируя функции различных отделов центральной нервной системы, он всюду, где только возможно, основывается на клиническом и патологоанатомическом материале, чем устанавливается непосредственная связь его изложения с клиникой, освещаются возникающие в ней вопросы.

В предисловии к этому труду Владимир Михайлович говорит, что мысль о нем зародилась давно (на это указывают уже выполненные им в Казани работы по физиологии центральной нервной системы), так как существующие исследования дают лишь отрывочные сведения о функциях органа, регулирующего и поддерживающего все отправления организма и представляющего собой тот аппарат, благодаря которому устанавливается связь между организмом и окружающим миром. Однако, несмотря на то, что сам автор более 20 лет совместно со своими сотрудниками работал над различными вопросами строения и функций мозга, при первых же попытках осуществления намеченного плана обнаружили громадные пробелы по разным существенным вопросам, связанным с выяснением функций тех или иных частей мозга. Эти пробелы приходилось непрерывно восполнять в лаборатории автора, куда постоянно притекали молодые силы.

При ознакомлении с этим трудом Владимира Михайловича ясно видно, что хотя там была использована громадная литература (указатель только имен авторов занимает 19 страниц в два столбца), однако труд представляет собой вполне оригинальную работу, основанную главным образом на самостоятельных исследованиях самого Владимира Михайловича и его сотрудников.

В работе В. М. Бехтерева выяснен механизм расстройства движений при повреждении преддверного нерва (n. vestibularis), задних и средних ножек мозжечка, задне-наружной части третьего желудочка, задних корешков. На основании новых материалов Владимир Михайлович подтверждает и развивает свою старую теорию, выраженную в его обстоятельной экспериментальной работе, выполненной еще в Казани, что физиологической основой для восприятия положения в пространстве служат не только полукружные каналы, но и другие органы статической координации, к которым относятся и периферические кожно-мышечные приборы.

Весьма поучительны и интересны исследования в области зрительных бугров, начатые Владимиром Михайловичем еще в 1883г. Они выявили, что зрительные бугры являются не только промежуточным пунктом на пути чувствительных проводников к коре мозговых полушарий, но и пунктом, через который проходят двигательные проводники на пути к нижележащим образованиям. Выяснено совершенно определенно, что зрительные бугры являются не только рефлекторными мимическими центрами, но и центрами для других соматических функций: кровяного давления, сердечного ритма, движений желудка и кишок, сокращений мочевого пузыря, деятельности слюнных желез.

Первоначальные исследования приписывали хвостатому ядру (nucleus caudatus) двигательную функцию, позднее же исследования Шайкевича, произведенные в лаборатории Бехтерева, показали, что бледная доля (globus pallidus) чечевичного ядра (nucleus lenticularis) представляется образованием, раздражение которого вызывает судорожные движения. Позднее это было подтверждено в связи с изучением эпидемического энцефалита, но школой Бехтерева это было указано значительно раньше.

Было установлено значение черного вещества (substantia nigra) как центра глотания и выяснена связь его с надильвиевой областью у собак (Юрман), где помещаются центры глотания и жевания.

Установлена роль сопрога *mamillaria* как центра, участвующего в регулировании дыхательного аппарата.

Область заднего четверохолмия с глубоколежащими частями рассматривается в исследовании как функциональный центр для голоса.

Описанное самим Владимиром Михайловичем сетчатое ядро покрывки определяется как двигательный центр, имеющий отношение к статическим функциям.

Относительно функций спинного мозга было доказано еще в 1884 г. экспериментами на собаках, которым Владимир Михайлович перерезал заднюю половину спинного мозга, что именно в задней половине спинного мозга проходят пути для мышечного чувства, а в передней половине находятся проводники для болевых раздражений. Эти ранние исследования Бехтерева относятся к тому времени, когда эти положения не были еще твердо установлены; они были вполне подтверждены его сотрудниками.

Исследования, произведенные на новорожденных животных, показали, что возбудимость присуща только волокнам и пучкам, покрытым мякотной оболочкой. Двигательная возбудимость свойственна мякотным волокнам сетевидной структуры и основным пучкам передне-боковых столбов, а задние и мозжечковые пучки на периферии боковых столбов обнаруживают лишь рефлекторную возбудимость при раздражении их центральных отделов.

В работе Бехтерева значительно расширены и уточнены данные о локализации мозговых центров в коре больших полушарий; так, например, установлена точная локализация вкусового центра у человека в мозговой коре в области покрывки (*operculum*).

Выяснено, что кожно-мышечное чувство у собаки помещается не только в сигмовидной извилине, но и позади нее, в теменной области, так же, как у человека, в задней центральной извилине; зрительный центр у собаки находится главным образом на внутренней поверхности затылочной области, а у человека — преимущественно в области шпорной борозды (*fissura calcarina*), т. е. то же на внутренней поверхности затылочной доли. Интересно также установление центра заученных движений у дрессированных собак — в двигательной области мозговой коры.

В упомянутой уже нами статье В. М. Можайского хорошо освещены те исследования, которые были проведены Владимиром Михайловичем и его сотрудниками и изложены в его «Основах учения о функциях мозга». Но в ней не исчерпано все новое, что внес Бехтерев. Уже давно, еще в Казани, Владимир Михайлович, совместно с проф. Н. А. Миславским, занимался изучением функциональных связей головного мозга, и, в частности, коры его больших полушарий, с органами произвольного движения, даже с теми, в стенках которых заложена гладкая мышечная ткань. Эти исследования продолжались им с успехом и в лаборатории Военно-медицинской академии. Совместно с Миславским им было доказано, что раздражение различных участков коры больших полушарий вызывает сердечно-сосудистый эффект, выражающийся в учащенной деятельности сердца и в повышении кровяного давления, а иногда в замедлении ритма сердечных сокращений и в понижении давления. Удавалось вызывать расширение зрачка, преимущественно при раздражении подкорковых областей; позднее установлены центры питания, сокращения желудка, кишок и мочевого пузыря в двигательной области у собаки и центров зрения. Было выяснено влияние коры на слюноотделение и слезоотделение, на секреторную деятельность желудка, почек, на отделение желчи, молока и пота.

Существование некоторых вегетативных центров и центров автоматических актов в коре больших полушарий человека было доказано посредством раздражения коры во время мозговых операций, как, например, дыхательного центра (на границе второй лобной и передней центральной извилины впереди центра движения руки), центра эрекции — в передней центральной извилине по соседству с центром бедра. Отмечено изменение кровяного давления, просвета сосудов, температуры тела на стороне, противоположной оперируемой в области центральных извилин при их травматизации.

Интересно, что все эти регуляторы были выяснены задолго до установления экспериментально-анатомическим путем существования ядер или центров вегетативной нервной системы в мозговом стволе; эти исследования были произведены проф. Л. Я. Пинесом значительно позднее в отделе морфологии центральной нервной системы Института мозга им. Бехтерева. Владимир Михайлович в своем фундаментальном труде уделяет достаточно места и периферической нервной системе, но особое внимание он уделяет вегетативной системе и ее центральным связям.

В кратком очерке трудно, конечно, передать содержание этого исключительно ценного труда, не утратившего своего значения и в настоящее время, возбуждающего у читателя новые мысли и открывающего ему пути для дальнейших исследований.

В клиниках и лабораториях Бехтерева всегда кипела научная работа, там всегда было много учеников, сотрудников, врачей, совершенствовавших свои знания, — все они должны были заниматься исследовательской работой на различные, поручавшиеся им темы. Благодаря этому Владимир Михайлович получал возможность пополнять те пробелы, которые встречались при освещении различных вопросов в области нервной системы. Он являлся центром, вокруг которого кипела вдохновляемая им научно-исследовательская жизнь, вдохновлявшая в то же время и его самого.

В указателе имен русских авторов, исследованиями которых Владимир Михайлович пользовался при написании «Проводящих путей» и «Основ учения о функциях мозга», приводится 65 имен ученых и врачей, которые были его сотрудниками и работали в его клиниках и лабораториях.

При том исключительном знании анатомии и физиологии центральной нервной системы, которое выявилось в этих трудах Бехтерева, понятно, что он выделялся как замечательный клиницист в области невропатологии и психиатрии, а особенно в распознавании нервных болезней. Для Владимира Михайловича, казалось, не существовало никаких трудностей; даже в самых спорных и затруднительных случаях он быстро и точно ставил диагноз.

О различных, самых разнообразных вопросах клиники нервных и душевных болезней Владимиром Михайловичем написано около 170 работ. Наиболее крупными являются несколько выпусков «Нервных болезней в отдельных наблюдениях» (первый вышел уже в 1894 г. как результат клинических исследований,

произведенных еще в Казани) и «Общая диагностика болезней нервной системы» в двух частях (вышедших в 1911 и 1915 гг.). В своих исследованиях в области невропатологии и психиатрии В. М. Бехтерев проявил исключительную наблюдательность, умение оценить значение отдельных симптомов для постановки диагноза и синтезировать их под углом зрения выделения новых, самостоятельных форм заболеваний.

Владимир Михайлович впервые выделил в области нервных болезней следующие рефлексы, имеющие существенное распознавательное значение: лопаточно-плечевой, акромиальный или верхушечный, запястно-пальцевой, сгибательно-пальцевой, тыльный сгибательный при болевом раздражении тыла стопы, при быстром сгибании пальцев стопы, большеберцовый, крестцово-поясничный. Им установлен ряд рефлексов, получающихся при раздражении лица: орбикулярно-носовой, мигательный на звук и ряд мышечных рефлексов: подбородочный (ментальный), губной, щечный, надбровный и лобный. Владимир Михайлович первый описал гипогастрический, или супраингинальный, точнее надпаховый, рефлекс.

Начало изучения костных рефлексов и выяснение их значения для распознавания положено Владимиром Михайловичем. До него они оставались вне внимания невропатологов. Стремясь к определению объективных признаков для доказательства наличия или отсутствия болевых ощущений, Бехтерев отметил расширение зрачков при вызывании боли (зрачковый рефлекс) при давлении, например, на болезненный рубец, что имеет важное значение для подтверждения жалоб у некоторых больных.

Бехтеревым описаны следующие симптомы, имеющие существенное значение для распознавания нервных болезней: безболезненность при давлении на икроножные мышцы как ранний признак спинной сухотки (*tabes dorsalis*); болезненность подошвенной точки, сохраняющаяся еще продолжительное время после невритов; неспособность больных, страдающих воспалением седалищного нерва (*ischias*), поднимать больную конечность на один уровень с вытянутой здоровой нижней конечностью; возникновение резкой боли в подвздошной области при быстром пассивном разгибании в коленном суставе приподнятой конечности, что является дополнением к симптому Ласега; болезненность при постукивании по скуловой дужке как признак поражения основания мозга. Им установлено значение поверхностного и глубокого постукивания (через плессиметр с большой силой) по позвоночнику и голове как диагностического приема для определения в первом случае поверхностных, а во втором — более глубоких и старых поражений мозга.

В. М. Бехтерев описал ряд новых, существенных симптомов и явлений в области нервных болезней: симптом ощущения движения в парализованных конечностях, аналогичный симптому фантома; ложное чувство наличия конечности, так называемое *pseudomelia paresthetica*; сохранение общей мышечной восприимчивости к давлению при утрате способности определять положение своих членов в пространстве при броун-секаровском параличе; пароксизмальная походка мелкими шажками при постэнцефалитическом поражении; развитие половинных нарушений кожной чувствительности при местных травмах, как естественных и случайных, так и вызываемых экспериментальным путем, за исключением какого-либо внушения или условий, вызвавших испуг.

В. М. Бехтереву принадлежит заслуга установления самостоятельных болезненных форм, до него не привлекавших внимания исследователей. К их числу относится одеревяненность позвоночника или болезнь Бехтерева, отличающаяся от обычной формы анкилозирующего поражения позвоночника и больших суставов прежде всего тем, что как раз поражения суставов при этой форме не бывает. Она обуславливается хронически развивающимся воспалительным процессом в мягкой оболочке, выражается рядом нервных симптомов — более или менее сильные боли, явления со стороны зрачков, возможность пассивных движений в позвоночнике, иногда бывают расстройства кожной чувствительности, чаще в виде гипералгезий.

Бехтерев описал апоплексическую гемитонию (*hemitonia postapoplectica*) — своеобразное остро развивающееся половинное поражение туловища и особенно конечностей после кратковременного инсульта, в связи с которым вместо паралича наступает половинное тоническое напряжение мускулатуры.

К числу других открытых им форм нервных заболеваний относятся: сифилитический рассеянный склероз, существование которого было подтверждено патологоанатомическими вскрытиями; особая форма лицевого тика в виде характерных мимических движений, не поддающихся волевым воздействиям; острая мозжечковая атаксия, чаще всего развивающаяся при хроническом алкоголизме; акроэритроз — резко выраженное расширение сосудов кистей, а иногда и стоп, без каких-либо парестезии и болевых ощущений; хореическая, или плясовая, падухая (*epilepsia choreica*) как особый вид миоклонии Унферрихта (*Unverricht*).

Трудно охватить все, что сделано В. М. Бехтеревым в области невропатологии и клиники нервных болезней. Открытые им самостоятельные болезненные формы описаны отчасти в его выпусках «Нервные болезни в отдельных наблюдениях», а частью в статьях, опубликованных в разное время в русских и иностранных журналах.

Остановившись на «Общей диагностике болезни нервной системы», нельзя не отметить, что этот труд ярко отражает особенности научно-исследовательской работы Владимира Михайловича. Первая часть книги посвящена общей симптоматике нервных болезней в связи с патофизиологическим происхождением симптомов. Изучая ее, учащийся знакомится с анатомическим строением нервной системы и ее функциями, чем облегчается понимание возникновения и течения болезненных явлений в связи с их анатомо-физиологической основой. После такой подготовки содержание второй части, в которой рассматриваются уже отдельные нарушения функций нервной системы, воспринимается значительно легче. В первой части

рассматриваются нарушения общей чувствительности, органов чувств и расстройства движения, а во второй — рефлексы, трофические расстройства и нарушения иннервации внутренних органов.

Из всего сказанного понятно, в какой области развивались и сосредоточивались главные научно-исследовательские интересы Владимира Михайловича. В речи, произнесенной на торжественном собрании 20 декабря 1925 г., посвященном 40-летию юбилею профессорской деятельности В. М. Бехтерева, проф. М. И. Аствацатуров говорит: «В том величественном здании научной славы, которое окружает В. М. Бехтерева, деятельность его как невропатолога является как бы фундаментом. Хотя научные интересы Владимира Михайловича с самого начала были чрезвычайно разнообразны и разносторонни, но не подлежит никакому сомнению, что главным центром его научных интересов в начале его деятельности были неврологические вопросы. И в этой области он уже тогда приобрел всемирную славу выдающегося ученого. Анатомия нервной системы в том виде, как мы ее знаем в настоящее время, характеризуется, как известно, чрезвычайной стройностью, ясностью и законченностью, и это, естественно, может подать повод к ошибочному предположению, что выяснение вопросов, связанных с анатомией нервной системы, не представляет собой сложности. На самом деле те сведения, которыми мы пользуемся на каждом шагу в нашей клинической работе, были добыты с чрезвычайными трудностями и являются результатом усилий целого ряда выдающихся ученых, среди которых Владимиру Михайловичу принадлежит одно из первых мест».

Проф. Аствацатуров, обрисовывая положение и задачи неврологии в тог период, когда Владимир Михайлович начинал свою научную работу, указывает, что это время характеризовалось стремлением разобраться в чрезвычайно сложном аппарате нервной системы, проследить все нервные пути от головного мозга к периферии и обратно, установить те бесчисленные связи, которые существуют между различными центрами нервной системы. Эта задача представляла громадные трудности, особенно на первых порах, когда зарубежными учеными были изысканы только методы исследования. Можно сказать, что именно Владимир Михайлович, несмотря на все эти трудности, построил в строином здании анатомии нервной системы фундаментальную стену. Нет той главы в анатомии головного и спинного мозга, которую можно было бы изложить, не упомянув его имени, с которым прежде всего непосредственно связан ряд терминологических обозначений. Его труды, посвященные этим вопросам, являются настольной книгой каждого невропатолога во всем мире. Не меньшие заслуги принадлежат Владимиру Михайловичу и в области физиологии нервной системы. Для правильной их оценки следует вспомнить, что в восьмидесятые годы было положено только начало научному изучению физиологии головного мозга. До этого времени еще процветала теория Галля, который пытался локализовать в определенных участках головного мозга такие сложные свойства человека, как доброта, вспыльчивость, память, мудрость и т.п., причем определял наличие этих «центров» по особенностям строения поверхности черепа, «шишкам», которые с его точки зрения соответствовали наличию известных способностей. Влияние этого примитивного лжеучения еще довольно долго сказывалось на правильном научном развитии учения о функциях головного мозга. Еще около 40 лет назад довольно известный немецкий ученый Мебиус связывал математические способности с особой конфигурацией височных областей черепа.

«Основы учения о функциях мозга» имеют поэтому не меньшее значение, чем «Проводящие пути».

Но заслуги Владимира Михайловича, говорит проф. Аствацатуров, перед русской неврологией не исчерпываются чисто научными исследованиями. Первый русский неврологический журнал был основан В. М. Бехтеревым, первое неврологическое общество было основано им, как и первые чисто неврологические лаборатории. Он всегда привлекал к себе громадное количество учеников и создал первую, чрезвычайно обширную неврологическую школу в России. «Если неврология вообще обязана Владимиру Михайловичу чрезвычайно многими и существенными открытиями, содействовавшими ее развитию, то русская неврология обязана Владимиру Михайловичу своим существованием».

Во время профессорской деятельности Владимира Михайловича преподавание и изучение невропатологии и психиатрии, за малыми исключениями, сосредоточивались в одних руках. Обе специальности были уже тогда настолько обширны, что одному человеку невозможно было равномерно работать в той и в другой области. Преимущественное направление работ профессора определялось, конечно, его сложившимися научными склонностями и интересами. Но так как головной мозг человека является тем органом, который обуславливает возникновение и развитие психической деятельности, ее субстратом, основой, то совершенно очевидно, что для изучения болезненных нарушений психической деятельности знание строения и функций центральной нервной системы столь же важно и необходимо, как и для невропатологии. Отсюда следует, что основные капитальные труды Владимира Михайловича по анатомии и физиологии мозга имеют для психиатрии не менее существенное значение, чем для невропатологии.

Нельзя поэтому не признать, что долго продолжавшееся совместное изучение обеих специальностей — невропатологии и психиатрии — имело свои положительные стороны, оно сближало, даже прочно спаивало научные и клинические интересы исследователей и давало их мышлению совершенно определенный неврологический уклон. Этот уклон содействовал образованию обширной группы психиатров, которая лучше и точнее всего обозначается как группа психиатров-неврологов или психиатров-психофизиологов в противовес психиатрам-психологам в старом, метафизическом, понимании термина психологии, господствовавшем в то время.

Психологическое направление как более старое продолжало развиваться, не давая существенных научных результатов. Чисто феноменологическое, метафизическое, оторванное от практики, оно, однако, лишь постепенно и с большим сопротивлением сдавало свои позиции. Еще сейчас в западноевропейской и

американской психиатрии идеалистические школы представлены в немалом количестве. Тем не менее физиологическое и особенно патофизиологическое направление упорно и настойчиво завоевывает психиатрию. Таким образом, психиатрия явилась последней из медицинских наук, разрывающих связь со старым, отжившим «психологизмом». В этом нет ничего удивительного, так как старые психиатры, приступая к изучению душевных болезней, хотя и признавали, что душевные заболевания являются болезнями мозга, особенно коры больших полушарий, не могли тем не менее освободиться от влияния психологического субъективизма, не решались рвать с традиционными субъективно-психологическими воззрениями.

Даже принимая биологические объяснения психической деятельности, особенно учение о рефлексах головного мозга, не уживающееся с воззрениями старых психологических школ, они в то же время не могли, объясняя болезненные нарушения психических процессов, отрешиться от прочно укоренившихся субъективно-психологических, идеалистических взглядов и традиций.

В результате получалось довольно своеобразное, фальшивое положение: психиатры как люди с естественнонаучной подготовкой, врачи-клиницисты, привыкшие наблюдать болезненные явления в их объективном выражении, в то же время объясняли их происхождение чисто психологическим путем, несмотря на то, что они же являлись основоположниками так называемой физиологической психологии (Вундт, Циген). Несмотря на это, и в настоящее время защитники идеалистического мировоззрения за границей не только говорят, но и пишут о влиянии психического на физическое, продолжая утверждать значение этого, в самой своей сущности парадоксального положения, основанного на еще не изжитых дуалистических воззрениях, на психофизическом параллелизме.

Однако в психиатрию все более проникало новое направление, объяснявшее всю клиническую картину душевных поражений генетической связью с мозгом и телом вообще и устанавливавшее источник болезненного поведения человека в расстройствах анатомио-физиологической системы.

Особенно остро были поставлены эти вопросы Мейнертом, определившим душевные болезни как заболевания переднего мозга, и Вернике — в его учении о двигательных психозах (*Motilitats psychosen*).

Флексиг, как упоминалось выше, сделал смелую попытку анатомического обоснования психических функций в своей книге «Мозг и душа» (*Gehirn und Seele*), произведшей сильное впечатление и явившейся завершением его анатомио-эмбриологических исследований. Эта интересная попытка оказалась неудачной по тем же причинам, что и попытка Мейнерта. Анатомические исследования не были еще при Мейнерте настолько продвинуты, чтобы дать возможность анатомической классификации психозов; во времена Флексига они подвинулись гораздо дальше, но он поставил перед собой слишком обширную задачу, что и привело к неудаче.

Русская психофизиология и психиатрия находились в особо благоприятных условиях для поступательного движения именно в этом направлении. Исследования таких блестящих ученых, как И. М. Сеченов, И. П. Павлов и В. М. Бехтерев, создали условия для материалистического объяснения процессов нормальной и патологической душевной деятельности. В анатомических и физиологических трудах В. М. Бехтерева, дополненных позднейшими исследователями, даны все необходимые предпосылки для развития материалистического направления в психиатрии.

Немало работ в области психиатрии принадлежит самому Владимиру Михайловичу. Его диссертация на ученую степень доктора медицины, которую он защитил в 1881 г., озаглавлена «Опыт клинического исследования температуры при некоторых душевных заболеваниях». До него на температуру при душевных болезнях вообще обращалось мало внимания, вследствие чего нередко проходило незамеченным инфекционное происхождение некоторых психозов, что, безусловно, отражалось на успешности их лечения. Бехтереву удалось, благодаря его наблюдательности, выявить колебания температуры при некоторых формах психозов, при которых она считалась нормальной.

Заслуживают внимания психиатров работы Бехтерева о локализации галлюцинаций в пространстве, о механизме развития фобий и половых извращений с точки зрения сочетательных рефлексов и о введении в практику объективных методов исследования. Им описаны новые формы фобий и навязчивых состояний: боязнь покраснеть, подавиться, боязнь «великого выхода» у священников, чужого взгляда, навязчивая улыбка, потение рук и др. Он обратил внимание на галлюцинозы периферического происхождения, связанные с нарушением обоняния, слуха, с невралгическими явлениями. Эти наблюдения Владимира Михайловича заслуживают полного внимания, по эти явления могут рассматриваться только как симптомы, но не как самостоятельные психозы, — в этом отношении Бехтерев еще не освободился от влияния симптоматической психиатрии.

Сравнивая работу Бехтерева в области психиатрии с тем, что им сделано в области невропатологии и неврологии, следует признать, что в этой последней им сделано гораздо больше, — в ней он оригинален и самобытен. Но в разнообразных исследованиях Владимира Михайловича в области психиатрии особенно ценно его постоянное стремление к материалистическому объяснению анализируемых им явлений.

В. М. Бехтерев явился основоположником экспериментальной психологии в России, организатором соответствующих лабораторий — сначала в Казани, а затем в Военно-медицинской академии. Это

направление, в то время новое, привлекло внимание многих исследователей, и из его лаборатории вышло немало серьезных работ.

Однако психофизиологическое направление исследований, при котором данные субъективного метода эклектически переплетались с объективными данными, добывавшимися экспериментом, не удовлетворяло Владимира Михайловича, который стремился к построению «объективной психологии», свободной от идеалистических влияний.

В то время на Западе появилась новая школа, стремившаяся превратить психологию в науку о поведении (бихевиоризм). Она берет начало от американских исследователей Моргана и Торндайка, которые, исследуя животных, могли, конечно, проникнуть в их психические процессы, без присвоения им человеческих качеств. Отсюда и возникло «поведенческое направление» в психологии, сводившее анализ психических явлений к регистрации раздражения, физического и социального, и к изучению ответа или реакции на эти раздражения — поведения. Все внутреннее содержание психических процессов (мотивы, обуславливающие поведение человека, его поступки) оставалось вне поля зрения исследователя (реактология Корнилова). Это направление Бехтерев и положил в основу своей объективной психологии, которую он предложил называть вместо психологии «наукой о поведении».

Это было заблуждением, проистекавшим, правда, из упорного стремления к объективизму и отказа от метода самонаблюдения, игравшего в старой идеалистической психологии большую роль. Поступки человека нельзя рассматривать просто как реакцию на раздражение или как рефлексы. Особенно неправильно и невозможно объяснять с этой точки зрения социальное поведение человека, его поступки в ответ на различные социальные раздражения. Помимо всего, нельзя забывать о том значении, которое имеет для поведения человека его мифосозерцание.

В 1886 г. Владимир Михайлович опубликовал экспериментальное исследование, которое показало, что разрушение двигательных областей мозговой коры у собак совершенно лишает их навыков, привитых им дрессировкой. Этим было доказано, что именно кора, а не подкорковые узлы, является хранилищем приобретенных навыков. Это открытие Владимира Михайловича и легло в основу его рефлексологической теории, которую он изложил в своей книге «Основы общей рефлексологии», являющейся дальнейшей попыткой обоснования его объективной психологии. Провозвестником рефлексологического направления в психологии был, конечно, Сеченов с его работой о рефлексах головного мозга.

Прежде чем перейти к оценке рефлексологии, следует познакомиться в самых кратких чертах с одной работой Бехтерева, получившей большое распространение и названной им «Психика и жизнь» (1902). В небольшом предисловии к этой книге автор справедливо замечает, что вопросы о возникновении и взаимоотношениях психики и жизни принадлежат к числу наиболее жгучих и важных, затрагивающих коренным образом наше мировоззрение. Исходя из того, что они заслуживают особого внимания, автор пытается проанализировать данные, которыми располагает современная наука для разрешения вопросов о взаимном отношении психических и материальных процессов. В самой книге Бехтерев дает краткий обзор всех существовавших по этому поводу теорий, начиная с древних времен, приводит все новейшие взгляды и развивает свое учение о разрядах нервной энергии, послужившее анатомо-физиологическим обоснованием «энергетической» точки зрения на деятельность мозга, — «энергетического монизма», который Бехтерев развивает в рассматриваемой книге и которым проникнута его рефлексология.

Переходя к анализу рефлексологии Бехтерева, необходимо остановиться на его понимании задач объективной психологии. Мы уже говорили о необходимости отрешиться от широкого субъективизма, от умозаключений по аналогии, не доказанных практикой, но это не значит, что метод самонаблюдения нужно отбросить совсем, что он бесполезен. Между тем, по мнению Бехтерева, объективная психология не должна анализировать сознания с его внутренними переживаниями и широким полетом мысли, увлекавшим человека в заоблачные выси. Свободная от стремлений и попыток проникать в субъективный мир грез и фантазий, психорефлексология ставит прозу на место поэзии, рассматривая нервно-психические отправления исключительно с их внешней стороны, сводя их к сочетательным рефлексам различного характера.

Психорефлексология, по Бехтереву, является ключом к выяснению явлений организма, которые издавна назывались «душевными» и окружались ореолом невещественного, или «духовного», начала, а в действительности развиваются из простых рефлекторных процессов и преемственно из сократимости клеточной протоплазмы. Такое понимание расширяет наш кругозор гораздо больше, чем самый широкий полет фантазии психолога-субъективиста, и вместе с тем объясняет факты, которые казались до сих пор разрозненными и противоречивыми. Психорефлексология заполнит пропасть между объективно наблюдаемыми биологическими явлениями и субъективным миром, бывшим до сих пор единственным предметом исследований со стороны психологов. Благодаря ему, по мнению Бехтерева, психолог станет таким же натуралистом, как и практический исследователь физики и химии.

«Полет фантазии всегда заманчив, — пишет Владимир Михайлович, — и, как красивый жест, он возбуждает ум, но наука, строгая наука, должна оценивать факты и отделять действительные из них от призрачных, ибо только первые обеспечивают прогресс знаний, вторые же служат ему тормозом... Когда объективная психорефлексология, развившись в более полную научную дисциплину, встанет в тесное соотношение с субъективной психологией, эта последняя лишится многих из своих фантомов и миражей..., которые разбиваются и исчезают, как только выясняются ближе действительные причины их возникновения».

Следует признать, что Владимир Михайлович внес в науку много поучительного и интересного в результате своих исследований в области объективной психологии или психорефлексологии, как он ее называет. Однако, как только он начинает говорить о «личных рефлексах» и «социальной сфере личности», обнаруживается искусственность его теории.

Бехтереву в его «Науке о поведении» не удалось, конечно, обойтись без субъективизма, который снова появляется в разделе «личных рефлексов», причем автор даже применяет термин «переживание». Отмечая, что характер личности возникает и складывается из опыта прошлого, который с его точки зрения состоит из совокупности сочетательных рефлексов, образующих личность человека, Бехтерев упускает, однако, из виду, что сложное поведение человека, его общественную личность, развивающуюся под воздействием всей совокупности социальных отношений, нельзя объяснять только рефлексам. Нельзя отождествлять рефлекторные акты с социальным поведением человека, нельзя забывать, как это имеет место в психорефлексологии Бехтерева, что психика со всеми ее процессами — от самых простых (ощущение как простейший психический элемент) до чрезвычайно сложных — является новым, особым качеством центральной нервной системы. Этого нового качества, диалектического скачка как раз и не хватает в учении В. М. Бехтерева.

Владимир Михайлович говорит, что процессы, протекающие в центральной нервной системе, оставляют особые следы, которые как бы временно заглушаются вследствие внутреннего или внешнего торможения путем сочетательных рефлексов и оживают каждый раз вновь, как только торможение преодолевается. Нервный ток всегда легче устремляется по проторенному уже пути, как по пути наименьшего сопротивления, что служит выражением общего закона проявления энергии, «осуществляемого» в области нервно-психической энергии, являющейся формой проявления единой мировой энергии. Последний, заключительный абзац «Объективной психологии» гласит: «Очевидно, что если вся нервно-психическая деятельность с точки зрения строго объективной состоит из совокупности сочетательных рефлексов, то и запас личного опыта должен состоять не в чем ином, как в совокупности следов протекших сочетательных рефлексов, стоящих в более или менее близкой связи с органическими впечатлениями и временно подвергшихся заторможению».

Говоря о космической энергии, находящейся в единстве с энергией нервно-психической, Владимир Михайлович ссылается на свою книгу «Психика и жизнь», в которой было разъяснено это положение. Действительно, в этой работе Бехтерев совершенно отчетливо выражает свой взгляд на энергию и ее существо: «Энергия или сила, по существу, есть не что иное, как деятельное начало, разлитое в природе вселенной. Мы не знаем, конечно, сущности этого деятельного начала, общей средой которого является мировой эфир, но проявление этого начала мы видим и наблюдаем в постоянных превращениях вещества, происходящих кругом нас. Разные формы проявления деятельного начала в природе мы называем силами или энергиями. Таким образом, и под названием скрытой энергии мы понимаем проявление деятельного начала, присущего всякой вообще живой организованной среде и не представляющего собой чего-либо материального в настоящем смысле этого слова... Физические изменения среды — это результат проявления энергии, как деятельного начала, сама же энергия лишена вообще материальной основы». Отсюда Бехтерев переходит к объяснению и психических явлений: «Скрытая энергия организма есть не что иное, как проявление мировой энергии, как деятельного начала в природе, выражением которого являются те физические или материальные изменения в нервной ткани, которыми сопровождаются вообще все совершающиеся в ней процессы поведения, тогда как внутренним выражением той же энергии являются те субъективные или сознательные явления, которые мы открываем в нас самих путем самонаблюдения».

Приходится, к сожалению, отметить, что Владимиру Михайловичу не удалось выработать стройной материалистической теории. Стремясь к созданию «объективной» психологии, он стал на неправильную позицию механистического материализма. Но и этому одностороннему, упрощенному материализму противоречит общая методология Бехтерева, его энергетическая точка зрения, граничащая с мистикой. Ведь под энергией Бехтерев подразумевает какую-то «силу», лишенную материальной основы. Материальные изменения являются результатом проявления этой нематериальной силы или энергии. Энгельс в «Диалектике природы» говорит совершенно определенно, что, прибегая к понятию «сила», мы этим выражаем не наше познание, а недостаточность наших знаний о законах природы и о способах их проявления.

В рассматриваемом труде В. М. Бехтерев приходит к выводу, что «жизнь и психика обязаны своим происхождением одному общему началу, которое объективно обнаруживается электрохимическими явлениями в организме, субъективно же выражается внутренними или психическими явлениями, развивающимися у высших животных в нервной системе и представляющими собой одно из проявлений единой мировой энергии». Это объединение жизни и психики под одно общее начало, пишет Бехтерев, даст нам ключ к объяснению того факта, что психические и материальные изменения центров идут всегда рука об руку, или, как говорят, *параллельно* (*Курсив мой. - В. О.*). Ясно, что В. М. Бехтерев в связи с развиваемой им энергетической точкой зрения приходит к психофизическому параллелизму, теории отнюдь не материалистической. Уже на основании «Объективной психологии» В. М. Бехтерева можно было предполагать, что на следующем этапе развития своих психологических идей автор будет рассматривать психологию даже не как психорефлексологию, а просто как рефлексологию. Действительно, вскоре появилась новая работа В. М. Бехтерева «Общие основы рефлексологии человека», за короткое время выдержавшая три издания. Подзаголовок третьего издания (1926) гласит: «Руководство к объективному изучению личности». Главное достоинство этого труда В. М. Бехтерева состоит в том, что, в отличие от старых психологов, он не считает метод самонаблюдения основным, хотя признает его известное ограниченное значение. Здесь Бехтерев делает шаг вперед от своего прежнего категорического отрицания субъективной психологии. Основным двигателем психической деятельности признается нервно-психическая энергия, которая является производной формой молекулярной энергии низших животных. Критика этой энергетической точки зрения автора была уже дана

нами выше. Рефлексология изучает *соотносительную* (подчеркнуто нами. — В. О.) деятельность организма в широком смысле этого слова, понимая под этим все вообще унаследованные и индивидуально приобретенные реакции организма, начиная от прирожденных и сложных органических рефлексов и кончая более сложными, приобретенными, известными у человека под названием действий и поступков, характеризующих его поведение. Соотносительная деятельность устанавливает соотношение организма с внешней средой в широком смысле слова. Этим выражением Владимир Михайлович пытается заменить термин «психический», избегая связанного с ним преобладания субъективизма. Он рассматривает органы чувств как трансформаторы «внешних энергий», возбуждающих нервный ток, являющийся одним из видов общей мировой энергии. Все свои построения рефлексология черпает из опыта. В этом отношении представляют ценность и результаты, добытые экспериментальной психологией, хотя она в общем основывается на данных субъективной психологии. Творческий акт рефлексология рассматривает как цепь сочетательных внешних рефлексов, направленных к достижению чего-либо нового в данной области и возбуждающих подъем энергии под воздействием самого акта и получаемых результатов; творчество теснейшим образом связано с процессом сосредоточения, благодаря которому к возбужденному центру привлекается весь подходящий для выяснения данного предмета материал, воспроизведенный из прошлого опыта. Творчество требует для своего осуществления, кроме природной одаренности, большого упражнения путем воспитания и подготовительной умственной работы, создающей известные навыки в работе; даже гениальные люди не сразу овладевают оригинальным творчеством. Творчество проявляется в виде интуитивного акта — внезапного озарения или в результате систематической разработки определенной гипотезы, но и в первом случае интуиции предшествует предварительная большая работа. Если рассматривать психическую деятельность не как нечто абстрактное и метафизическое, а как проявление энергии, то становится очевидным, что и она подчиняется закону сохранения энергии, что совершенно непонятно для тех, кто признает «душу» как особую сущность. Рефлексология признает одну нервно-психическую энергию, а не две отдельных ее формы (нервную и психическую). Естественным источником энергии Владимир Михайлович признает пищу, которая представляет собой накопленную растениями солнечную энергию. В этом своем произведении Владимир Михайлович подчеркивает свое отрицательное отношение к теории психофизического параллелизма.

В конце книги Бехтерев указывает, что изучение субъективных процессов на себе самом (самонаблюдение) должно пополнять собой изучение объективных проявлений личности, а не противопоставляться ему, так как один метод дополняет другой.

В итоге следует признать, что в психологических и рефлексологических работах Бехтереву, несмотря на все его настойчивое стремление отрешиться от идеалистического мирозерцания, это не удается сделать вследствие его философского эклектизма.

Последняя крупная работа Владимира Михайловича из психологического и рефлексологического цикла, на которой необходимо остановиться, это — «Коллективная рефлексология», вышедшая в 1921 г. В ней Бехтерев делает попытку перейти от индивидуальной рефлексологии к коллективной, общественной рефлексологии.

Если к отдельной личности, говорит Бехтерев, применяются строго объективные методы исследования, то тем более они уместны при изучении проявлений коллективной или собирательной личности. «Между тем до сих пор социологи, как и представители других гуманитарных наук, оперируют с субъективными и метафизическими понятиями. Они говорят о коллективных чувствах, представлениях и восприятиях, о коллективной душе, коллективном сознании, коллективной воле и т. д., тогда как всякому ясно, что все это в действительности является лишь обобщением субъективного состояния своего «я», которое никак не может быть переносимо на толпу или вообще на какое-либо общество».

В своем обширном труде Владимир Михайлович со своей обычной разносторонней эрудицией приводит громадный материал из жизни самых разнообразных коллективов всех времен и народов. Однако увлеченный в то время своими крайними механистическими идеями, он исходит из неправильного положения, что мир управляется одними и теми же основными законами, общими для всех вообще явлений, неорганических, органических и надорганических или социальных. Такая биологизация социальных явлений и приравнивание их к явлениям неорганической природы приводит Бехтерева к совершенно неправильным выводам. Он пытается установить следующие законы, которым подчиняется коллектив: закон сохранения энергии, пропорционального соотношения скорости движения с движущей силой, закон тяготения, отталкивания, противодействия, равного действию, подобия, периодичности или ритма, инерции, непрерывного движения и изменчивости, рассеивания энергии или энтропии, относительности, эволюции, дифференцирования, воспроизведения, избирательного обобщения, методической последовательности, экономии, приспособления, отбора, взаимодействия, компенсации или замещения, зависимых отношений и индивидуальности.

Эти мнимые «законы» в значительной своей части заимствованы из физики и механики и соответственно толкуются автором. Действие закона тяготения применительно к людям рассматривается так: индивиды, сходные по внутренним и внешним качествам, взаимно тяготеют друг к другу, с другой стороны, и несходные между собой, но взаимно дополняющие друг друга, также тяготеют один к другому. Применение закона периодичности Бехтерев обосновывает ссылкой на распространенность колебательных движений в природе и непосредственно переходит к колебательному течению соотносительной (психической) деятельности. Мир социальный, иначе надорганический, должен изучаться только с указанных точек зрения.

Труды В. М. Бехтерева по рефлексологии, имевшие при своем появлении большой успех, в настоящее время в некоторой степени звучат просто наивно. Это относится больше всего к «Коллективной рефлексологии», которая не получила признания уже и при своем выходе в свет. Однако для своего времени рефлексология

Бехтерева представлялась явлением прогрессивным, так как была обусловлена стремлением Бехтерева решительно отмежеваться от идеалистической психологии.

Владимир Михайлович думал и о создании патологической рефлексологии, разрабатывал уже отдельные вопросы, публиковал небольшие исследования в журналах. Им написано около 30 работ, в том числе ряд статей об объективных признаках различных заболеваний и болезненных состояний, имеющих существенно важное значение для распознавания, для судебной экспертизы в целях предотвращения симуляций, о сочетательно-рефлекторном происхождении некоторых болезненных явлений (навязчивые состояния), о половых извращениях с рефлексологической точки зрения и др. Обобщить свои интересные исследования в целое произведение он не успел. В конце третьего издания «Основ общей рефлексологии человека» Владимир Михайлович, кроме перечисления своих работ, приводит около 80 имен учеников и сотрудников, которые способствовали его трудам в области рефлексологии.

Нельзя обойти молчанием деятельность В. М. Бехтерева в области изучения физической и психической эволюции ребенка, начиная с его появления на свет. Изучению развития психики ребенка в связи с его воспитанием положили начало в Америке работы Стенли Холла. В. М. Бехтерев уже с 1907 г. организовал специальное отделение в Психоневрологическом институте, а позднее в Институте мозга. Правда, впоследствии именно в этой области имели место многочисленные извращения со стороны невежественных людей, пытавшихся обосновать лженауку — педологию. Конечно, Владимир Михайлович не имел никакого отношения к этим извращениям. В. М. Бехтеревым и его сотрудниками (особенно Н. М. Щеловановым) при помощи строго объективных методов исследования было установлено много важного и интересного в развитии детской психологии, особенно в области возникновения и образования характера. Выяснилось, что основные черты его нередко закладываются гораздо раньше, чем это замечают воспитатели и педагоги, а отсюда вытекает необходимость проверки своевременности различных педагогических приемов, которые нередко оказываются слишком запоздалыми.

Мы охарактеризовали только крупнейшие труды В. М. Бехтерева, составившие его славу, принесшие ему мировое имя и признание. Но этим далеко не исчерпывается все его литературное наследство. Владимир Михайлович оставил около 600 печатных трудов. Задумав крупное произведение, он обыкновенно подбирал для него необходимый материал, публикуя сперва отдельные статьи на русском и иностранных языках (преимущественно немецком и французском). Затем он синтезировал свои наблюдения и эксперименты в единое целое. Трудоспособность его была поразительной — стоит хотя бы бегло ознакомиться с его «Основами учения о функциях мозга» и «Проводящими путями», чтобы ясно представить, какого блестящего, разносторонне образованного ученого наша страна имела в лице В. М. Бехтерева. Мы не коснулись еще деятельности Владимира Михайловича как популяризатора. Им написано много научно-популярных статей, брошюр и книг, как, например, «Психика и жизнь», о гипнозе, об алкоголизме и др. Владимир Михайлович никогда не замыкался в узком ученом кругу, напротив, он широко нес свои знания в народные массы. Он часто выступал с публичными лекциями на различные темы, которые читал не только в столице, но во многих городах нашей родины. Популярность В. М. Бехтерева была настолько велика, что, когда он приезжал в какой-либо город, за ним ходила толпа людей, его провожали в гостиницу после лекций. Владимир Михайлович пользовался известностью не только как ученый, но и как общественный деятель, часто высказывавший взгляды, неугодные царскому правительству, что только усиливало его популярность среди передовой интеллигенции и широких кругов учащейся молодежи.

Принимая участие в русско-турецкой войне 1877—1878 гг., В. М. Бехтерев близко познакомился со славянскими народами и уже с тех пор отстаивал идею сближения России со славянством, в частности, стремился к установлению тесного общения с учеными славянских народов, причем его симпатии особенно устремлялись к чехословакам. В 1908 и в 1911 гг. Владимир Михайлович принимал активное участие в славянском съезде в Софии и в юбилейном Сокольском съезде в Праге, входил в состав русской делегации в качестве представителя от Психоневрологического института и ряда научных обществ. Судя по статьям В. М. Бехтерева в изданиях Психоневрологического института и в «Вестнике знания» (1909—1912). эти съезды, особенно пражский, произвели на него сильное впечатление. В Чехии Владимир Михайлович был окружен исключительным вниманием и неоднократно выступал с речами на различных собраниях, горячо пропагандируя идею всеславянского единения, особенно на научной основе.

Нам остается подвести итоги.

В. М. Бехтерев был исключительно крупным ученым, оставившим после себя глубокий след в русской и мировой науке. Значение его научного творчества и общественной деятельности выходит далеко за пределы его специальности.

Используя новые методы научного исследования, Владимир Михайлович написал в Казани свою знаменитую монографию о проводящих путях, которая сразу создала ему мировую известность. Там же были проведены изыскания, которые он использовал впоследствии для своих «Основ учения о функциях мозга». Оба эти исследования замечательны тем, что они тесно связаны с клиникой нервных болезней. Блестящее знание анатомии и физиологии нервной системы делало Бехтерева исключительным диагностом. Анатомо-физиологическую основу нервных болезней стремились установить и до В. М. Бехтерева, но после его исследований анатомо-физиологический метод в невропатологии занял особенно прочное место и сделался характерным признаком школы Бехтерева. Пользуясь им, Владимир Михайлович установил ряд новых, самостоятельных форм заболеваний. К казанскому периоду научной деятельности Владимира Михайловича относятся также работы, послужившие началом его психологических и психопатологических изысканий. В

Петербург Владимир Михайлович приехал вполне сложившимся, крупным ученым с европейским именем. Здесь у него были несравненно большие возможности для продолжения и развития своих исследований, чем в Казани.

Психология и психопатология, естественно, заняли видное место в трудах В. М. Бехтерева. Он понимал, что возникшее в то время учение о психомоторных центрах и проводниковых системах еще не может дать в психиатрии того, что оно дает в невропатологии. Хотя Мейнерт сделал попытку анатомо-физиологической классификации душевных заболеваний, но она не была успешной. В. М. Бехтерев, никогда не останавливавшийся перед препятствиями, возникавшими на его пути к достижению определенных научных целей, обратился к изучению психологических процессов путем экспериментальных исследований (метод Вундта). В дальнейшем он прилагает все усилия для обоснования и выработки объективной психологии и рефлексологии, причем рефлекторный процесс рассматривался им как основа психики. Сочетательные рефлексы изучались на человеке посредством главным образом сочетательно-двигательного рефлекса, техника которого была разработана в его лаборатории (Протопоповым).

Сочетательные рефлексы лежат, по мнению Бехтерева, в основе «соотносительной» деятельности человека, определяя соотношение между человеком и окружающей его средой. Качественная сторона невро-физиологического процесса выпадала при этом из поля зрения Владимира Михайловича. Поэтому его концепция имела еще грубо механистический характер. Но Бехтерев приближался в последние годы к материалистической диалектике, к пониманию психофизиологического единства. Как видно из его отдельных статей, он уже пытался с этой точки зрения объяснять некоторые патологические процессы.

Владимир Михайлович не только не отрывал психику от тела и внутренних органов, но, напротив, с первых шагов своей научной деятельности стремился установить их взаимную связь. Еще его диссертационная работа посвящена изучению температуры тела при душевных заболеваниях. Этим исследованием устанавливалась связь между внутренними и душевными болезнями, включавшимися тем самым в обширную область соматической (телесной) медицины. Бехтерев открыл путь для применения патофизиологического метода исследования в психиатрии. Эта заслуга, наряду с обоснованием учения о сочетательных рефлексах и соотносительной деятельности, проверкой его на человеке посредством разработанного в его лаборатории двигательного метода ставит В. М. Бехтерева в ряды крупнейших и оригинальных психологов и психопатологов.

Однако самому Владимиру Михайловичу не пришлось применить патофизиологический метод в психопатологии и в психиатрии — смерть помешала выполнению этой очередной его задачи. Что он собирался это сделать, видно из отдельных его статей и высказываний. Этот метод разрабатывается и развивается сейчас ближайшими учениками и сотрудниками Владимира Михайловича.

В. М. Бехтеревым много сделано в области практической психиатрии и невропатологии: он являлся убежденным противником системы стеснения, — из его клиники были изгнаны связывание и пеленание больных, горячечные рубахи, были сняты двери с изоляторов и т. д. Если больного необходимо было удалить в отдельную комнату, двери ее не закрывались наглухо — больной оставался под непрерывным наблюдением персонала. Широко проводился трудовой режим: под руководством опытных специалистов в клинике были организованы прекрасные мастерские (переплетная, столярная, рукодельная), устраивались концерты и спектакли с участием самих больных, разные игры и развлечения. Для возбужденных больных успешно проводился постельный режим. Широко применялись водолечение и физкультура, чтение газет и журналов.

Владимир Михайлович предложил ряд новых способов лечения нервных и душевных болезней. Большое распространение получила при лечении эпилепсии «бехтеревская смесь», состоящая из настоя горичвца (*Inf. Adonis vernalis*), бромистого калия, натрия и кодеина. Владимир Михайлович явился в России пионером нейрохирургии, в его клинике привлекались к выполнению мозговых операций такие хирурги, как М. С. Субботин, Н. А. Вельяминов, Р. Р. Вреден и др.

В течение всей своей жизни В. М. Бехтерев был искателем нового в науке. «Жадность» к науке была характерной чертой его личности. Крупнейший научно-общественный деятель и большой патриот, он был неразрывно связан с жизнью и интересами своей страны, своего народа.

В. М. Бехтерев обладал неутомимой, кипучей энергией, заражавшей и увлекавшей всех его учеников и сотрудников, большинство которых помогали ему в его научных исследованиях и в создании научно-исследовательских учреждений. Он никогда не оставался без помощников и ни минуты не оставался без работы: в экипаже, в поезде, на заседаниях — всюду и везде при нем была корректура или новая рукопись, всюду он находил людей, интересовавших его по тому или иному вопросу, и вступал с ними в беседу.

Школу В. М. Бехтерева прошли многие тысячи учащихся Военно-медицинской академии, Женского медицинского и Психоневрологического институтов. Через клиники и лаборатории Владимира Михайловича прошло не меньше тысячи врачей, прикомандированных для усовершенствования, писавших диссертации и разрабатывавших различные научные вопросы. Нередко они оставались для работы в клиниках на много лет и уходили, став опытными специалистами, на руководящие посты.

Характерным для этой школы представляется ее материалистическое направление, применение патофизиологического и патогенетического метода для выяснения сущности нервных и душевных

заболеваний. Это объясняется тем, что все ученики Владимира Михайловича проходили неврологическую и психиатрическую школу одновременно, и хотя у каждого был свой уклон, тем не менее они знали основательно обе специальности, изучив их в клинике и лаборатории.

Научные достижения В. М. Бехтерева развиваются и закрепляются его учениками.

Урна с прахом В. М. Бехтерева находится в Государственном институте мозга, институте его имени, в Пантеоне, о создании которого он мечтал при жизни, там же хранится и его мозг.

Научные труды В. М. Бехтерева создали ему мировую славу, основанные им научные учреждения навеки сохраняют его имя.